

Спор на НЕДОТРОГУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЮЛИЯ ЧЕТВЕРГОВА

18+

Юлия Четвергова

Спор на Недотрогу

<https://litres.ru/74418164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он – Волк, который покоряет одну девушку за другой, а затем безжалостно разбивает им сердца. Мажор, привыкший добиваться своего любыми путями.

И он на меня поспорил.

Теперь я – его добыча. Очередная цель, которую он собирается заполучить, во что бы то ни стало.

Но Волк даже не догадывается, что "Мышка" будет сопротивляться ему до самого конца. Ведь на кону не только её честь, но и сердце.

Кто же победит в этой войне? Упрямая Мышка или заигравшийся Волк?

#богатый парень простая девушка

#мажор

#хорошая девушка

#одержимая страсть

#студенты

#очень эмоционально

#плохой парень

#от ненависти до любви

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	63
Глава 8	71
Глава 9	81
Глава 10	90
Глава 11	101
Глава 12	111
Глава 13	120
Глава 14	128
Глава 15	136
Глава 16	145
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Спор на Недотрогу

Пролог

Октябрь

Макс

Я возненавидел её сразу же. Как только она впервые вошла в аудиторию, выделяясь своими невыносимо белыми волосами. С первого взгляда.

Но и подумать не мог, что моя ненависть зайдёт так далеко...

По комнате разносятся влажные шлепки и девичьи стоны. Я смотрю на изящную спину и резкими рывками вколачиваюсь в податливое тело. Шлёпаю ладонью по сочной заднице.

Это тебе за то, что заставляешь неистово желать тебя! За то, что весь мой грёбанный мир теперь крутится вокруг тебя, зараза белобрыся!

Девике нравится мой напор. Она кричит от наслаждения, стоя на четвереньках. Запрокидывает голову. Просит ещё. Быстрее. Глубже

В моём кулаке зажаты длинные волосы. Конечно же, белые. Других теперь и быть не может. Я натягиваю их сильнее, ускоряюсь и в последний раз подаюсь бёдрами вперёд до упора.

Кончаем вместе. Наши громкие стоны, наверняка, слышны во всём кампусе, но мне похер. Сейчас главное утолить ядовитую жажду. Потребность в этой девчонке. И только потом можно будет вникать в возможные последствия своего поступка. Всё же, парням запрещено влезать в женский корпус. Особенно посреди дня.

Но, как только блондинка разворачивается ко мне лицом, я едва сдерживаюсь, чтобы не скривиться.

Это не она...

Не моя белобрысая зараза. Не Мышка.

Вот нахера надо было лезть со своими поцелуями после секса? Только всё испортила.

Голод, который, казалось, уже был утолён, разносится по венам с новой силой. Обжигает и отравляет так, будто я не трахал однокурсницу только что, а лишь воображал себе секс.

Мне. Нужна. *Она.*

И если я не получу её в ближайшее время...

Жанна продолжает приставать с обнимашками и неуместными нежностями, и я грубо отпихиваю блондинку от себя.

Рычу неприязненно:

– Отвали.

Поднимаюсь с узкой односпальной кровати. Использованный презерватив отправляется в мусорку. Нахожу на полу толстовку и штаны, натягиваю их и, не прощаясь, иду к окну.

Надо валить. И чем скорее, тем лучше.

За спиной раздаётся судорожный всхлип, и я закатываю глаза.

Только не снова.

— Давай, не будем опять разводить сырость, — бросаю тихо и зло. — Мы, кажется, обо всём договорились. Я позволяю тебе быть рядом, а ты не претендуешь на большее.

В темноте комнаты Жанна очень похожа на Мышку: длинные серебристые волосы, фигура восьмёркой, тонкие ключицы и ямочки на пояснице.

Всего лишь жалкая копия, но она нужна мне.

Пока...

И только поэтому я всё ещё здесь.

Правда, при свете дня обманывать себя не получается. Да и...

Как же бесит! Какого я на ней помешался?

Ненавижу эту белобрысую заразу! Ненавижу и... так хочу трахнуть! До одури! С ума свела, ведьма хренова!

Моя одержимость ею дошла до того, что ни на кого другого смотреть не могу. Член встаёт только при виде прямых белых волос до талии. И огромных серых глаз с длинными чёрными ресницами.

Поэтому только Жанна. Только в темноте. И только со спины.

Стоит ей развернуться, а мне увидеть *карие* глаза, как хочется поскорее делать ноги.

Чем я и занимаюсь прямо сейчас.

– Останься, – тихо шепчет однокурсница подрагивающими губами. Едва сдерживая слёзы. – Прошу тебя, Макс... Одну ночь. Только одну. Останься до утра.

Я со скрипом сжимаю зубы. Зажмуриваюсь. Понимаю, что плевать я хотел на Жанну, на её чувства и слёзы. Она знала, на что соглашалась. И, не говоря ни слова, спрыгиваю с окна первого этажа.

Мышка бы никогда не стала унижаться.

И никогда бы не пустила такого, как ты, в свою постель,
– добавляет с усмешкой внутренний ехидный голос.

И, чёрт подери, это жиза. База. Потому что она и не пустила.

Поэтому приходится довольствоваться её жалкой копией. Справлять нужду и сбегать обратно в свою конуру, ненавидя себя и особенно её. Мышку, у которой оказались очень острые и твёрдые зубки.

А ещё – нежный голосок, упрямый взгляд, тонкие запястья и нежная веточка сакуры под левой ключицей.

Фак-фак-фак!

Докатился...

Натянув капюшон на глаза, сую руки в карманы толстовки. Срываю злость на ближайшей мусорке, пнув её, и быстрым шагом топаю обратно до мужского корпуса.

А ведь всё начиналось так просто. С игры. С обычного спора.

Который, к слову, я позорно проиграл.

Мои хорошие, приветствую вас в горячем романе о Волке, который не совсем Волк, и Мышке, которая тоже не совсем Мышка! :))

Будет интересно, жарко, страстно, временами грустно и до желания пристукнуть героев, но, читая книгу, мы получим весь спектр вкусных эмоций, которые так ищем в повседневной жизни!))

Ставьте лайки книге, подписывайтесь на автора и оставляйте комментарии, это очень вдохновляет)

Готовы окунуться в непростую историю о настоящей любви?

Тогда начинаем!))

Глава 1

Сентябрь

Макс

Мы с Лексом смотрим нюдсы какой-то няши, когда в аудиторию входит Мышка. По паспорту Яна Мишина, но для нас – просто серая мышь. Очередная заучка, которая поступила в универ «своими мозгами».

Ага, знаем таких. Небось, пришлось лечь под декана или, того хуже – нашего старого ректора-ловеласа.

Усмехаюсь своим мыслям и пялюсь на девчонку, оценивая. На ней до тошноты идеально выглаженная форма универа, в руках – супер толстая книжка. Но меня больше волнуют стройные ножки в чулках и волосы практически до самой задницы.

Неестественно белые.

– О, Мышь пришла. Не передумал? – причмокивает губами Лекс и ехидно двигает бровями.

– Не-а, – скалюсь, вертя в руках карандаш. – Она ничего. Даже свет не придётся выключать.

Мы громко ржём. Половина присутствующих в аудитории оборачивается на нас. Кто-то заинтересованно. Кто-то недовольно. Но не Мышка. Та увлечена чтением громадной кни-

женции, словно от этого зависит её жизнь.

Вероятно, эльфийский изучает. На всякий случай.

– Ботанша не от мира сего. Уверен, что справишься?

– И не таких прогибали, – отмахиваюсь. В голову тут же лезет образ страшненькой девственницы, которую пришлось обкатать на прошлой неделе и я морщусь.

Мышка станет последней, на кого я поспорил. А то становится скучно. Пять «недотрог» всего за первую неделю учебного года – даже для меня слишком. Я, конечно, люблю экзотику, но не настолько.

Хотя не могу не признать, что блондинка цепляет взгляд.

– На кону тачка, бро. Ты ещё можешь отказаться. Заучка кажется крепким орешком, – продолжает отговаривать Лекс.

– Я хоть раз проигрывал? – ещё раз придирчиво осматриваю хрупкую даже на вид фигурку девушки. И внезапно даже для себя добавляю: – Но Мышь – последняя.

– Последняя? Рил? Неужели великий Волк устал шпёхать недотрог? Вот так новость! – ржёт, даже не пытаясь быть тихим.

– Завались, придурок. О тебе же беспокоюсь, – огрызаюсь беззлобно. – Итак уже обобрал тебя до нитки.

– Чтобы обобрать меня до нитки, нужно перетрахать весь кампус. И, заметь, ни разу не проиграть! – важно задирает нос этот сраный Буратино.

– Тебя? Думаю, ты хотел сказать «моего батю».

– Кому есть дело до таких незначительных нюансов? –

Лекс разводит руками и подмигивает Альве, сидящей на пару рядов ниже.

Я же опять кошусь на Мышку. Она сидит на первом ряду, как и положено всем ботаншам. И выглядит абсолютно незаинтересованной в общении с кем-либо.

Всё-таки, Лекс прав. Странная она.

Но симпатичная зараза.

На самом деле, Мишина вот ни капли не серая мышь, если говорить о внешке. Её так прозвали за то, что она не может постоять за себя. Всё время смотрит в пол, ходит с книжками в руках и молчит, как бы её ни задирали. В столовке сидит одна, читая что-то в телефоне. И ни с кем не общается, если в этом нет необходимости.

Короче, типичная тихоня.

Ловлю себя на том, что пялюсь на Мышку уж слишком долго.

– Строишь план оболыщения? – выручает друган, подкидывая приличное оправдание моему неприлично долгому интересу.

– Нечего строить. Позадирал, позажимал, навешал лапши на уши и готово. Всё как всегда, – небрежно пожимаю плечами.

– Красный по-орше, – ехидно тянет Лекс. – Неужто наша заучка того стоит?

– Посмотрим. На крайняк, это будет интересный... опыт. Хз, зачем юлю. Может, дело в том, что я не совсем уве-

рен в успехе данной миссии? Чуйка меня ещё ни разу не подводила. А сейчас она тупо молчит, затаившись. И если в остальных случаях я точно знал, что девчонка потечёт и пустит меня в свою койку, то теперь нервно барабаню пальцами по столу, сомневаясь.

– Лады. Потом не ной. Я тебя отговаривал, – назидательно тычет пальцем. – Готовься торжественно вручить мне ключи от своей тачки через месяц.

– Две недели, – выдаю внезапно.

– Думаешь, пошлёт раньше? – Лекс удивлённо вскидывает брови, делая вид, что не понял, о чём я.

– Я уложу её на лопатки за две недели, – повторяю грубо.

– О-о, ты уж прости, Макс, но я в этом очень сомневаюсь.

– Поясни?

– Слухи о заучке ходят разные, – тянет друг. – К ней уже подкатывали наши. И даже старички с последних курсов. Всё же тянка симпотная. Но она всех игнорит. Чё о ней только не говорят: и фригидная, и с башкой не в порядке, и... – качает головой. – Ну, ты понял. Так что не сокращай срок и не отбирай у себя хотя бы призрачную надежду на победу, – издевательски хлопает меня по плечу.

– Ушлёпок! Знал о ней и всё равно предложил спор?

– Ну, меня нельзя винить, – хмыкает ехидно. – Тачка твоя – огонь. Ещё и эксклюзив. Твой порше будет отлично смотреться рядом с моим геликом.

– Всегда знал, что ты тот ещё... – проглатываю матерное

слово, завидев знакомую рыжую девицу, целенаправленно идущую к Лексу.

– Не всё Волку масленица. – Друг приобнимает Альву, севшую своей огромной задницей прямо на наш стол и начинает поглаживать её по коленке. – Сам же сказал, чем сложнее, тем интереснее.

– Привет, мальчики, я не помешаю? – хлопает глазами рыжая кукла.

Прикусываю язык, едва не ляпнув, что *уже*.

Не моё дело.

Чернов смачно чмокает Альву в губы и затягивается электронкой, припрятанной в рукаве пиджака. Та в ответ пискляво хихикает, перекатывая жвачку на языке.

Мерзость. И что он в ней нашёл?

Хотя я даже рад, что у нас с Лексом разный вкус на девушек.

– Детка, ты – украшение этой аудитории, о чём ты вообще говоришь? – ненатурально лебезит этот актёр без Оскара и я, цокнув, отворачиваюсь.

В жопу все эти сюсюканья.

Нет, конечно, я в теме, что девочкам нравится, когда их облизываешь с ног до головы не только в прямом смысле, но и словесно. Вот только мне и без этого дают. Да и не готов я вот так лебезить перед девкой.

Как показала моя непутёвая мамаша, они того не стоят.

Препод, наконец, появившийся в аудитории, становится

спасением от мерзких нежностей слащавой парочки. Альва спрыгивает со стола, поправляет декольте с вываливающими наружу сиськами, натягивает короткую юбку пониже, и уносится на своё место.

Лекс наблюдает за ней, прищурившись, как довольный котёнок. И я фыркаю, не сдержавшись.

– Она точно тебя чем-то опоила. Смотри, влюбишься ещё.

– Уже, – лыбится, как придурок, не отрывая глаз от рыжей.

– Так она же со всеми...

– Заткнись, – шипит друг, и я пожимаю плечами.

– Да мне похер, дело твоё. Если что, медпункт в правом крыле, – намекаю на шикарный букет, которым Альва может его наградить.

Лекс предсказуемо включает игнор, и мы оба затыкаемся.

Загорается проектор. Аудитория постепенно затихает. Новый препод открывает первый слайд со своим именем и, представившись, переходит к основной теме лекции.

Периферическим зрением улавливаю движение серебристых волос и, вместо того, чтобы записывать лекцию или втыкать в соцсети какой-нибудь соски, пялюсь на то, как Мышка перекидывает пряди через плечо. Как задумчиво поглаживает их, с лёгкостью поспевая за преподам. Как внимательно слушает то, о чём он рассказывает, изредка увлажняя розовым язычком пухлые губки.

В итоге, всю лекцию я занимаюсь тем, что представляю,

как девчонка стоит на коленях и отсасывает мне этими губами. И как я имею её потом во всех позах.

В себя прихожу только после ощутимого дружеского пинка по ноге.

– У тебя стояк, – припечатывает Лекс, ухмыляясь. – Что, так сильно цепанула наша заучка? Больше ни о чём другом думать не можешь?

– Вспомнил нюдсы той тянки, – зачем-то вру.

– Думаю, сегодня надо забуриться на женскую половину. Или позвать девчонок к себе, – красноречиво пялится на мой пах.

– Сам разберусь. И хватит палить туда, – прикрываюсь папкой с учебными тетрадами.

Приходится вспомнить самое мерзкое, что я видел в жизни. А то даже встать невозможно.

К тому моменту, как ширинка перестаёт топорщиться, Мышка уже уходит из аудитории. А я вновь ловлю себя на странном желании – найти её и дотронуться до волос, которые она теребила.

Глава 2

Яна

Я всегда знала, что социальное неравенство – это огромная пропасть. И неважно денежная или моральная. Но всё равно пошла на это. Всё равно поступила в престижный университет, чтобы исполнить свою мечту: стать полиглотом и устроиться переводчиком в элитную компанию.

Правда, для этого мне пришлось поставить на кон всё.

Я усердно училась. Жертвовала посиделками с друзьями, личным временем. Оставила родителей и переехала в другой город. Поселилась в кампусе при университете и теперь пытаюсь сосуществовать с теми, кто родился с золотой ложкой во рту.

Это оказалось непросто. Но не невозможно.

Правда, я уже успела сильно пожалеть о том, что решила покрасить волосы в белый цвет. От них одни неприятности. И выражение «белая ворона», прилипшее ко мне за первую учебную неделю, обрело тут особый смысл. Не говоря уже о постоянном внимании парней, желающих уложить меня в свою койку, словно это какое-то соревнование.

Явно же не из-за высоких чувств они мне прохода не дают. В рассаднике детишек, избалованных деньгами и вседозволенностью, о высокоморальной мотивации даже предполо-

жить не получается.

Потешаются. Интересно. Забавно. Только и всего.

Стоит подумать об этом, как в спину прилетает:

– Куда спешишь, белоснежка? У нас сегодня закрытая ту-
са, не хочешь к нам присоединиться?

Я даже не оборачиваюсь. Привычно игнорию очередного энтузиаста, крепче сжимая в руках учебники, которые только что взяла из библиотеки. И надеюсь, что парень и его гогочущие единомышленники не увяжутся следом.

Обычно дальше словесных приставаний никто не заходит, но... Кто их знает? Однажды увидев сальные улыбки и маслянистые взгляды, больше никогда не поверишь в то, что этой стае голодных псов знакомо слово «воспитание».

Я вся напряжена. Готова дать отпор, если понадобится. Но, к моему облегчению, тяжелые шаги за спиной так и не раздаются, а противный, липкий голос стихает, как только я сворачиваю в фойе.

Прислонившись к ближайшей колонне, выдыхаю.

Всё же, как бы я ни храбрилась, каждый раз приходится переживать дичайший стресс. Надеюсь, что, в конце концов, им надоест, и они от меня отстанут. Иначе придётся перекрашиваться в блёклый цвет и реально становиться серой мышью, как меня называют.

А я этого очень не хочу. Мне нравится то, как я теперь выгляжу.

До женского кампуса добираюсь без происшествий. Захо-

жу в свою скромную обитель и кладу учебники на стол. Вешаю пиджак на спинку стула и падаю на кровать, разглядывая идеально ровный белый потолок.

Очередной день-испытание, наконец, закончился. Домашка – не в счёт.

В Академии Международных Отношений (сокращённо АМО) студентам предоставляют небольшие, но индивидуальные комнаты каждому учащемуся. А всё потому, что в основном в АМО поступают сливки богатого общества, родители которых и являются спонсорами данного учебного заведения. Отдельная комната – это, можно сказать, привилегия. Одна из многих... Поэтому и мне посчастливилось не делить пространство с какой-нибудь «звездой». А это уже огромный плюс, так как буллинг в нашей академии – самый распространённый вид досуга.

У меня мурашки пробегают по коже, стоит представить, что я делю пространство с богатой стервой. Или, ещё хуже – с несколькими...

Заставив себя подняться с кровати, переодеваюсь и приступаю к учебной рутине. Несколько часов у меня уходит на то, чтобы подготовиться к завтрашним парам, но время для меня пролетает незаметно. Я слишком люблю учиться.

В итоге заканчиваю, только когда в коридоре стихают все посторонние звуки.

Перед сном топаю в душевую. Обычно в полночь тут никого нет, но в этот раз мне не везёт.

– Вы только посмотрите, кому не спится, – ядовито шипит Раиса Слезнёва, скрещивая руки на груди и окидывая меня презрительным взглядом. – Ворона решила почистить крылышки? Уже недостаточно белые, да? Но я что-то не припоминаю, чтобы обычная вода отмывала внутреннюю грязь.

Луиза, растирающая ночной крем по и без того идеальному лицу, кидает на меня ехидный взгляд через зеркало и хихикает над «остроумной» шуткой своей подруги.

Поддакивает:

– Точно от Дорохова вернулась. Ворона растрёпанная. Не за просто так же он только ей высокие баллы на парах ставит, – говорит обо мне в третьем лице, словно меня тут нет.

Я молча прохожу мимо. Мне нет дела до их мнения. Пока они меня не трогают и не портят жизнь, я тоже буду делать вид, что их не существует. А там пусть хоть зубы в порошок сотрут. Я поступила в Академию не ради этого.

Поняв, что я не собираюсь никак реагировать на их перлы, подружки бросают ещё что-то неприятное мне вслед и уходят. Оставшись одна, я раздеваюсь, предусмотрительно заперев шкафчик на личный электронный код, и иду в душ.

Горячие струи смывают душный день. Я с наслаждением подставляю лицо под воду и в который раз проваливаюсь на дно сомнений: правильно ли я сделала, поступив в одну из самых престижных Академий? Сколько я продержусь, прежде чем эти акулы родительского бизнеса сожрут меня? Выдержу ли целых пять лет?

Ответа у меня нет. Да и пока всё идёт относительно спокойно, если не считать бесконечных подкатов от мужской половины и попыток задеть меня и унижить – от женской.

Вот только во всём этом есть одно жирное, большое «но», которое я узнала буквально вчера, случайно подслушав разговор парней со старших курсов.

И зовут его Максим Волков.

О нём я слышана с первых дней учёбы в Академии.

«Волк, которого обожают девушки и уважают парни».

«Волк, который всегда добивается своего».

«Волк, разбивший множество сердец».

Волк... Волк... Волк...

О нём шепчутся на каждом углу. Ему смотрят вслед. Ему боятся перейти дорогу. О нём ходит дурная слава, но каждый хочет войти в его близкий круг общения.

Он – альфа без стаи. Парень себе на уме.

Единственный, с кем Волков водит дружбу – это Александр Чернов. Лекс, как зовут его остальные. В остальном же он – одиночка. И даже если я вижу его в компании с кем-то, Волк всегда держится обособленно. Или в стороне.

Но самое страшное...

Я влюбилась в него с первого взгляда.

Красивый, словно падший ангел. И такой же порочный. Стоит ему посмотреть в мою сторону и у меня перехватывает дыхание и подгибаются коленки. Волк высокий и поджарый. У него густые волосы цвета горького шоколада, массивная

нижняя челюсть и высокие скулы.

Но все достоинства меркнут на фоне его взгляда...

Тяжелый и одновременно притягательный. Таинственный. Исподлобья. Как у хищника, который расслабленно лежит в тени, но при этом наблюдает за происходящим.

Свет изумрудного фонаря, на который слетаются все бабочки в округе.

О, да, я прекрасно понимаю, почему *все* девчонки теряют от Волка голову.

Вот только я не собираюсь становиться одной из них. Такие, как Максим Волков, не умеют любить. И мне прекрасно об этом известно. Их красотой можно любоваться издалека. Восхищаться. Но никогда не подпускать близко. Особенно в своё сердце.

Но вчера...

Вчера я узнала, что он на меня поспорил.

И это плохо.

Очень плохо.

Теперь Волк не даст мне прохода. Будет преследовать, пока не получит своё.

Точнее, пока не *«уложит в койку»*, – как вчера сказали старшекурсники, распивая пиво и посмеиваясь над моей незавидной судьбой. Над «Мышкой», которая скоро попадёт Волку в пасть.

Хищник и его добыча – вот как все видят спор на меня. И ни один из этих гадов не сомневался, что я лягу под Волкова.

Каждый был уверен, что это произойдёт. Рано или поздно.

И только за одно это, за то, что он делает с девушками, стоит ненавидеть и презирать Волка всеми фибрами души.

Поэтому каждый из тех, кому известно о споре, обломается, когда гадкий волчара проиграет. Проспорит. Я сделаю всё, *буквально всё*, что в моих силах, чтобы Максим Волков проиграл свой отвратительный и аморальный спор.

Правду говорят, что внешность обманчива. За ангельским ликом зеленоглазого брюнета прячется настоящий дьявол, который выпотрошит всю душу, а потом даже не вспомнит, как тебя зовут.

Тягостные мысли приносят с собой дурное предчувствие. Я выключаю душ, обматываюсь полотенцем и иду в общую раздевалку. Подхожу к своему шкафчику и...

Он открыт нараспашку и в нём нет ни одной моей вещи, кроме телефона!

Как?! Никто не знает личные электронные пароли студентов, выдаваемые администрацией! Это просто невозможно!

Но нет. Если верить глазам – возможно. И это происходит со мной прямо сейчас.

Неужели Волк *уже* начал охоту?!

Справившись с первой паникой, ещё раз внимательно осматриваю шкафчик изнутри и замечаю крошечную записку, спрятанную под смартфоном.

«Если не хочешь, чтобы завтра утром твои обнажённые фотки красовались на общем стенде вместе с этим ми-

леньким розовым бельишком, приходи к пожарной лестнице мужского кампуса через час».

Я фыркаю, закатив глаза.

Нашёл чем пугать. Волк не на ту напал. Я, может, и произвожу впечатление тихони, но на самом деле просто спокойная, как танк. Долго терплю и помалкиваю, когда это нужно *мне*, но если меня довести...

Сминаю записку в порыве выкинуть её в ближайшую мусорку. Но потом успокаиваюсь и решаю оставить её себе в качестве вещественного доказательства.

Плевать я хотела, если моё нижнее бельё увидит вся академия. Ближайший бутик, где продают всё это добро, находится в десяти минутах ходьбы от кампуса. Всегда можно сказать, что этот фетишист там его и приобрёл. С фотками то же самое – пусть сначала докажут, что это не фотошоп.

Да и вдруг у него на самом деле нет моих фотографий? Вдруг он просто взял меня, как обычно говорят парни, «на понт»?

Оригинальностью Волк, похоже, не страдает, а эти «буллинг-развлечения» старые, как мир. Видно, что он вообще не готовился и даже не счёл нужным продумать свой план. Действовал спонтанно и по наитию, потому что телефон волчара не забрал, а полотенце при мне. До комнаты прекрасно дотопаю и в нём. Тоже мне, проблема!

Сейчас больше волнует то, что я осталась без шкафчика в душевой. Завтра придётся идти в деканат и писать жалобу на

взлом с проникновением. А после – ждать, пока его починят и выдадут новый личный пароль. Вот где настоящая морока, потому что эти пароли привязаны ко всей электронной сети учащегося. Я без него даже домашку не сделаю, а завтра на парах не смогу войти в личный кабинет.

Надеюсь, деканат во всем разберётся и Волку хотя бы штраф выпишут. А то этим мажорам всё, как с гуся вода...

Жаль, что у меня нет номера этого спорщика. Я бы написала ему пару ласковых и скинула несколько статей, в которых расписано, что ждёт особо одарённого индивидуума, решившего обнародовать чужие приватные фотографии, и сколько дают за кражу и порчу чужого имущества.

Придерживая полотенце за края, выхожу в коридор. Вокруг неестественно тихо, и я начинаю подозревать, что у богатых детишек есть свой отдельный чат для буллинга «простушек», в котором они обо всём узнают.

Потому что таких странных совпадений просто не бывает!

Хотите сказать, что Волк беспрепятственно проник на женскую половину и его никто не заметил? Бред...

Поэтому заговор очевиден.

Сжимая в руках телефон и записку, решаю ускориться. Подгоняемая всё тем же дурным предчувствием, которое, к сожалению, никуда не делось, а только усилилось, почти бегу к лестнице. Моя комната находится на втором этаже трёхэтажного здания, поэтому нужно поспешить.

Не нравится мне эта подозрительная, гнетущая тишина...

Если Волк всё ещё здесь, нельзя, чтобы он меня заметил до того, как я окажусь в своей комнате. Пусть думает, что я испугалась и уже на полпути к мужскому кампусу.

Но реальность оказывается суровой и неблагоприятной. К маленькой и уже порядком напуганной Мышке, а не к Волку, вышедшему на охоту.

Стоит мне зайти на второй этаж, как от стены отлепляется большая чёрная тень. Мне приходится замереть прямо посреди коридора, сжимая края полотенца, расходящиеся от бега. И попытаться не помереть от испуга.

Становится жутко. Не отпускает ощущение, будто я в хоррор попала.

И, надеюсь, что в квест, а не настоящий... Личный. Тот самый, что ужаснее всех.

Сомнений нет – передо мной Волк собственной персоной. Это я понимаю по лёгкому флёру мускусного запаха, который врезался мне в память ещё с первой пары, когда Макс прошёл мимо меня.

И прямо сейчас Волков загораживает мне проход в единственное безопасное место в академии. Да ещё и скучающе вертит лямку моего розового кружевного бюстгальтера на указательном пальце при этом.

Я сочла, что Волк не страдает оригинальностью? Забудьте всё, что я о нём думала до этого момента...

Сердце проваливается в пятки, когда я понимаю, что мне это не кажется. И что парень не собирается исчезать, как

монстр, привидевшийся после ночного кошмара.

– Куда-то спешишь, *Мышка*? – вкрадчивым басом произносит Макс, хмыкая.

А я с какой-то отстранённой ясностью осознаю, что с сегодняшнего дня, с этой минуты, с этой секунды начался мой личный ад.

Глава 3

Макс

– Ты реально думала, что я позволю тебе сбежать?

Ни капли страха в глазах. Стоит, смотрит волчонком. И молчит. Выжидает.

Совсем не Мышка.

Как же бесит!

– Значит, слухи о тебе – правда, – цежу сквозь зубы. И оскаливаюсь. – Не думал, что ты и в самом деле крепкий орешек, Мышка. Не трясёшься. Не умоляешь. Или ты немая, поэтому всё время молчишь?

Влажные после душа волосы висят вдоль тела девчонки. Закрывают узкие плечи и ключицы. Скрывают обнажённые участки, которые хочется рассмотреть поближе. Изучить. Провести по ним пальцами и проверить, действительно ли её кожа такая гладкая, как кажется.

С трудом удерживаюсь от того, чтобы потряхнуть головой, словно пёс.

Наваждение какое-то!

– Тревожная кнопка прямо за моей спиной. У лестницы. Давай ты просто отдашь мне вещи, и прекратим этот детский сад?

На пару секунд выпадаю из реала от того, насколько нежный и тонкий голосок у Мышки. И понимаю – нет, не немая. Она...

Сучка! Самая настоящая!

Но мозговитая сучка...

Не просто так свои талмуды вечно таскает.

– А, может,пустишь меня к себе в комнату, и мы познакомимся поближе? – делаю голос низким и хриплым. Девчонкам нравится, когда я так с ними разговариваю.

– У тебя минута. – Белобрысая демонстративно включает фонарик на телефоне и начинает отступать к лестнице. Как раз в ту сторону, где находится кнопка вызова охраны.

Да какого хрена она такая спокойная?! Неужели ей совсем не страшно?

Никакого инстинкта самосохранения.

– По-хорошему не хочешь, значит, да? – начинаю злиться.

– Я вообще никак не хочу. Убирайся. У тебя осталось тридцать секунд.

Злость обжигает внутренности кислотой. Яда добавляют эти огромные, упрямые глаза, полные решимости нажать чёртову кнопку.

Да что эта девка о себе возомнила?!

– Не советую наживать врага в моём лице, – швыряю порсячье убожество под дверь ботанши.

– А я не советую приближаться ко мне.

Это она зря...

Сунув руки в карманы, медленно наступаю. Девчонка делает шаг назад, я – вперёд.

– Тебе палец в рот не клади. А с виду такая тихоня, – хмыкаю ехидно.

– Ты тоже кажешься не тем, кем являешься на самом деле.

– И кем же я являюсь *на самом деле*? – теперь уже мой голос звучит низко не с целью соблазнить. Он полон угрозы.

– Время вышло, – жёстко припечатывает девчонка и реально жмёт на кнопку.

Да вы прикалываетесь!

Сигналка начинает орать, как резаная. Я чертыхаюсь и в два прыжка оказываюсь перед Мишиной. Хватаю эту отчаянную идиотку за плечи и встряхиваю.

– Ты дурная что ли?! Чё творишь? Сейчас здесь соберутся все, кому не лень!

Она с тем же раздражающим спокойствием пожимает плечами:

– Я тебя предупреждала. Нечего было лезть в женский корпус. И ко мне лично, – шипит. – И вообще, отцепись от меня, придурок! – сверкает стальным взглядом из-под длинных тёмных ресниц.

Я опять теряюсь. Меня словно кирпичом по голове огрели. Втыкаю, как тот самый придурок, каким она меня обозвала.

– Ты оглох?! Или просто недалёкий? – орёт девка. – Я сказала отпустить меня! – бьёт кулачками мне в грудь, отталки-

вая, и я рефлексивно отступаю на шаг.

Нужно делать ноги, пока сюда не нагрянула охрана. Но я стою и смотрю на Мышку, словно загипнотизированный.

Не такого я ожидал. Не на это рассчитывал.

Она должна была испугаться. Должна была быть покорной. Должна была смотреть на меня с затаённым обожанием.

Что-то из этого она, мать вашу, должна была сделать!

Первый испуг бы прошёл, я бы выкрутил своё природное обаяние на фулл и мы продолжили у неё в комнате. И пусть белобрысая дала бы мне не сразу, но полдела было бы сделано. Пара встреч и она бы точно раздвинула ноги.

Но... всё пошло по тому самому месту, куда я рассчитывал пристроиться этой ночью.

Ловлю себя на том, что в мыслях слишком много «бы».

Получается, я... лоханулсЯ? Уже? С первого же раза?

Выбрал не ту тактику? Поспешил?

Нет. Так не пойдёт. Волк никогда не проигрывает.

Схватив Мышку за запястье, не позволяю ей ливнуть. Она как раз собиралась воспользоваться моим замешательством и прошмыгнуть к своей комнате.

– Куда собралась? – рычу, впечатывая девчонку в свою грудь. И, наконец, замечаю страх, мелькнувший в её глазах всего лишь на краткий миг, но этого достаточно.

Всё-таки, притворяется. Храбрится.

А я-то думал...

– Пусти, придурок! – начинает яростно вырываться. Но

у неё не получается, потому что во второй руке она держит телефон и ею же пытается удержать полотенце, стремительно сползающее с тела. — Больной! Ты больной! — кричит она, глядя на меня так, словно я монстр какой-то.

В башке мелькает вспышка молнии. Виски простреливает резкая боль. Но не от ревущей сирены, разбудившей весь кампус, а от того, как сильно меня резанул взгляд этой девчонки.

Я, может, и не самый хороший человек, но и моральным уёбком не являюсь. Все девушки, которые ложились под меня, делали это по собственному желанию.

А эта...

Мышка вырывается так, словно борется со мной не на жизнь, а на смерть. Словно я её насиловать собрался. Словно...

— Прекрати! — гаркаю на неё. — Я ничего тебе не сделаю, дурная. Но ты не сбежишь. Раз уж нажала эту чёртову кнопку, за последствия будем отвечать вместе.

Девчонка теряется. На симпатичном личике появляется недоумение, будто она не сразу поняла, что я только что сказал. Затем судорожно выдыхает и затихает. Успокаивается, прекратив вырываться. В глазах — ничем неприкрытое облегчение.

А я мрачней ещё сильнее. Злюсь непонятно на что.

На себя? На неё? На то, что облажался? На то, что замешкался и не сбежал?

Непонятно...

Ещё и эта сирена. Любопытные взгляды девчонок, высунувшихся из комнат. Крики охраны, поднимающейся по лестнице.

Задница. Полная задница.

Так и знал, что с этой девчонкой всё пойдёт наперекосяк. Чувствовал. Надо было отказаться от спора. Надо было просто прекратить это, потому *уже* было скучно.

Но позднмяк метаться.

В здании повсюду загорается свет. В коридоре появляется охрана. Подлетев, они дают меня рожей в пол и скручивают руки за спиной. Мышка жмётся к стене, стараясь выглядеть спокойной, но теперь я знаю, что это всего лишь маска.

Глава комитета по воспитательной работе появляется в самом конце «представления». Эта скользкая змея кутается в кардиган и окидывает нас суровым взглядом, останавливая его на мне.

– Опять ты, Волков, – вздыхает тяжело. Демонстративно. – Это уже третье происшествие с твоим участием всего за одну учебную неделю. Такими темпами, не успеешь оглянуться, как вылетишь из академии.

Ага, конечно. Учитывая, что мой отец делает самый большой денежный вклад в АМО, это маловероятно. А вот то, что мне от него может влететь – больше похоже на правду.

И она это знает. Грымза.

– Отпустите его, – приказывает охране. – Он кажется буй-

ным, но сейчас ничего не сделает.

Стерва посылает мне снисходительный взгляд, в котором читается недосказанное: «Или твой отец узнает обо всём завтра же».

– Вы в порядке, молодая леди? – подходит к Мишиной и кладёт ей свою костлявую, морщинистую руку на плечо.

Молодая леди... кто в наше время так разговаривает?

Отвратительно.

Хотя, если подумать о том, сколько ей лет... то понятно.

Поднимаюсь с пола, когда охранники меня отпускают. Растираю руки. Щека жжёт – меня хорошо так приложили.

– Да, я... Всё нормально, – дрожащим голосом отвечает блондинка.

Злость на неё не отступает. Ещё и отчего-то усиливается, когда я замечаю, как мужики в форме похотливо переглядываются, косясь на полуобнажённую девушку.

Старпёры озабоченные...

– Это моя вина. Пусть идёт и переоденется уже, – заслоняю Мышку собой от охранников.

И только после допираю, что сделал.

– Кто прав, а кто виноват, мы разберёмся завтра. А точнее, уже сегодня, – гримза придирчиво смотрит на часы и кривит тонкие сухие губы. – Буду ждать вас в своём кабинете в семь утра. А сейчас все свободны... Устроили тут непонятно что, – досадливо морщится и бросает уже охранникам: – Проследите, чтобы Волков дошёл до своей комнаты. Он у нас очень

часто страдает топографическим кретинизмом.

Ржущие извращенцы толкают меня в плечо и уводят к лестнице, а старая стерва остаётся с девчонкой, говоря ей что-то утешающее, судя по тону.

Перед тем, как спуститься, я зачем-то оборачиваюсь. И буквально сталкиваюсь с непонятным, нечитаемым взглядом серых глаз.

Она... смотрела на мою щёку?

Хмыкнув, гашу странные, жгучие эмоции, которые вызвал этот взгляд и позволяю охранникам отконвоировать меня до своей комнаты. А уже там, умывшись и переодевшись в другие вещи, вновь ускользаю через окно.

После всего мне жизненно необходимо навестить к Жанне и спустить пар. И плевать я хотел на запреты и предупреждения.

Глава 4

Яна

– Итак, молодые люди, я вас слушаю. Что же вчера произошло?

Елена Валерьевна Войт, глава комитета по воспитательной работе, просто образец спокойствия. В отличие от меня. Я нервно переплетаю холодные пальцы и стараюсь не обращать внимания на испепеляющий взгляд слева, который *чувствую* всем нутром.

Прежде чем сделать то, что планировала всю бессонную ночь, я медленно выдыхаю. Прикрываю глаза на мгновение, чтобы отрешиться от тяжёлой ауры, которой Волк пытается меня морально задавить, и только после поднимаюсь с кресла.

– Вот, – подхожу к столу Войт и кладу перед ней вчерашнюю записку, которую этот недалёковидный придурок оставил по дурости.

Лучше бы смску написал, ей богу! Её хотя бы можно было удалить и сказать, что ничего он мне не писал.

– Что это? – Елена Валерьевна поднимает на меня глаза, подведённые чёрной подводкой.

– Эту записку я нашла у себя в шкафчике. В женской раз-

девалке, — добавляю поспешно, чтобы не забыть ни единого слова из тщательно отрепетированной речи.

Женщина без особого интереса быстро пробегает взглядом по строчкам, написанным там. По её губам, накрашенным бордовой помадой, проскальзывает усмешка.

— Так-так-так, Волков, — стучит острыми ногтями, покрытыми блестящим лаком, по лакированной поверхности стола. — Похоже, на этот раз ты не отвертишься. И твой отец тебе не поможет.

Волк почему-то молчит. Но я так явно ощущаю его взгляд, прожигающий мне спину, что кажется, будто он пытается испепелить меня на месте.

Я сглатываю, продолжая стоять у стола Елены Валерьевны, сцепив руки в замок. Вязкая слюна царапает пересохшее горло. Хочется попросить воды. Или просто заткнуться и сбежать. Но я заставляю себя идти до конца.

— Вчера ночью, пока я была в душе, Маским Волков проник в женскую раздевалку, как-то взломал мой шкафчик и украл из него все вещи, оставив только телефон и эту записку, — киваю на огрызок бумаги, к которому Войт так и не прикоснулась. — Я собиралась проигнорировать угрозу и отправиться к себе, но до комнаты не дошла, потому что Максим не позволил мне это сделать.

Я замолкаю, переводя дыхание. Елена Валерьевна терпеливо ждёт, пока я закончу, не перебивая. Только смотрит на меня поверх очков с весёлым прищуром. Я бы даже сказала

– заинтересованно.

– Он поймал меня в коридоре и...

– Может, закончим этот фарс? – перебивает меня однокурсник и я вздрагиваю. По позвоночнику вниз стремительно проносятся мурашки от спокойного, низкого голоса с хрипотцой. – Назначьте наказание и я пойду.

– Дай девочке закончить, – хмурится Войт, махнув в его сторону рукой. – У тебя ещё будет время рассказать свою версию.

– Я не отрицаю свою вину. К чему всё это? – продолжает настаивать парень, а я удивлённо оборачиваюсь.

И натыкаюсь на взгляд, полный злобы и презрения.

Ёжусь, отворачиваясь.

Зачем я вообще решила посмотреть в его сторону? Идиотка...

Понятно же, что он меня теперь ненавидит и считает стукачкой.

– Продолжай, – повелительно кивает мне женщина, не обращая внимания на Волкова. – Что было дальше?

В груди что-то протестующе сжимается. Не даёт мне выдать из себя ни слова. Я хочу продолжить говорить, но...

Что я скажу? По сути ведь Максим мне ничего не сделал.

Или не успел сделать, – настаивает рациональная часть меня.

Ещё и этот непонятный жест в исполнении Волка в конце сбивает с толку...

Я видела, как охранники смотрели на мои голые ноги и грудь, выглядывающую из-под полотенца. И совсем не понимаю, зачем парень заслонил меня от их мерзких, липких взглядов. А в том, что он сделал именно это, сомневаться не приходится. Перед глазами всё ещё стоит его широкая спина в чёрной толстовке с капюшоном, спрятавшая меня, казалось, от всего мира.

Зачем он это сделал после... всего?

Что это было?

Не знаю, чем бы закончилась моя внутренняя дилемма, и теперь уже точно не узнаю, потому что в какой-то момент раздаётся стук в дверь и Елену Валерьевну срочно вызывают к ректору.

– Ждите здесь, я скоро вернусь, – поднявшись из-за стола, она наставляет на нас указательный палец и предупреждающе добавляет: – И давайте без эксцессов. Иначе оба вылетите из академии сегодня же. Хватит и того, что вы натворили вчера.

Стуча тонкими каблуками по паркету, Войт покидает свой кабинет, оставляя меня наедине с хищником. Волком, который готов вцепиться мне в глотку без лишних раздумий.

Так я думаю, пока на негнущихся ногах шагаю обратно к своему креслу.

Чтобы не смотреть на парня, разглядываю кабинет главы комитета по воспитательной работе.

Фикус у входа в углу. Два кресла и широкий диван сбоку

от них, расположившийся у стены. Три шкафа, доверху наполненных различными книгами, но в основном – книгами по психологии. Плотные тёмные шторы шоколадного оттенка, как и вся остальная мебель. На столе – идеальный порядок. Из личных вещей я заметила только фотографию дочери или внучки, затесавшуюся среди педантично расставленных на нём вещей.

И я бы сказала, что в целом уютно, если бы не огромное чёрное пятно, растёкшееся по креслу.

Я всё-таки посмотрела на него. И в который раз пожалела, что это сделала.

Одет парень в рваные джинсы и очередную толстовку на два размера больше, что уже нарушает правило АМО, которое гласит, что все должны носить единую форму. Волосы мажора растрёпаны. Под глазами залегли тёмные круги, словно он не спал всю ночь. А на дне нефритовой радужки – ненависть. Такой силы, что мне невольно хочется отшатнуться.

В кресло я так и не успеваю сесть. Волк поднимается одним резким движением и нависает надо мной, преграждая путь.

– Что ж, Мышка, – обхватывает пальцами мой подбородок, задрав его так, чтобы я смотрела прямо на него. Топит в презрении, с прищуром глядя сверху вниз. – Считай, ты сама нарвалась.

У меня внутри всё опускается. Органы сиротливо липнут к позвоночнику. Прямо как вчера. Сердце заходится в

неистовом ритме, а в нос проникает настоящий животный аромат – запах его тела. Дерево и кожа, разбавленные едва уловимыми нотками чего-то сладкого. Такими тонкими, что не сразу не определить, чего именно.

Особенно в таком состоянии.

Я таращусь на парня во все глаза, не в силах отвести взгляд от его красивого лица. От черт, будто высеченных из камня. Резких, грубых, но при этом складывающихся в безумно прекрасную композицию. От глаз, напоминающих ветви голубой ели. Красивые, неповторимые глаза. И не зелёные и не голубые. Что-то среднее.

Нефрит. Настоящий нефрит. Мне не показалось.

От близости Волка внизу живота скручивается невидимая, тугая спираль. Его пальцы жгут подбородок, посылая электрические импульсы. Становится жарко. Воздух словно весь разом выкачали из кабинета.

Я приоткрываю рот, чтобы сделать глубокий вдох и замечаю голод в волчьих глазах, когда он впивается взглядом в мои губы. На мгновение мне кажется, что Волков сейчас меня поцелует. Но проходят минуты, а он так и продолжает стоять, шумно дыша.

– Отпусти, – каркаю, уподобляясь вороне. И с трудом вспоминаю, что он мне сказал, прежде чем я провалилась в *его* омут.

– Ну, уж нет, – оскаливается Макс. – Вчера ты совершила огромную ошибку и теперь дорого за неё заплатишь.

– Я ничего не сделала, – вырываю подбородок из его пальцев.

– Да-а? – растягивает гласные, приближая своё лицо к моему ещё ближе. Опаляя горячим дыханием, пахнущим мятной жвачкой. – Правда что ли? А кто просил тебя нажимать эту хренову красную кнопку вот этими шаловливыми пальчиками? – обхватывает меня за запястье и задирает руку так, чтобы я увидела те самые «шаловливые пальчики».

– Тот, кто не оставил мне выбора, – шиплю я, вырывая руку. – И хватит меня лапать по поводу и без! Имей в виду, тут есть камеры, – хватаюсь за единственную возможность обезопасить себя от Волка, решившего, что он может делать и говорить то, что ему вздумается.

– Ты думаешь, меня это остановит? – иронично выгибает бровь и ухмыляется уголком рта.

Я непроизвольно облизываю вмиг пересохшие губы. И снова ловлю его голодный взгляд.

– Хватит меня запугивать! – Злость раздувается в грудной клетке, словно шар, который вот-вот лопнет.

– Хватит мне указывать, – рычит Волк, хватая меня за ворот блузки и дёргая на себя. – Дура белобрысая! Надо было притвориться той, кем ты являешься, и сделать вид, что ничего не было. Что тебе показалось. Промолчать на крайняк! А теперь у нас обоих будут проблемы. Из-за тебя. Или ты думаешь на этом разговоре, – кивает в сторону стола Войт, – всё и закончится?

– О чём ты говоришь? – сиплю я, с ужасом взирая на Мака и боясь пошевелиться.

– Ничто так не ценится в АМО, как безупречная репутация. И об этом знают все. Но, видимо, не дурочки-заучки вроде тебя. Теперь, чтобы замять вчерашний инцидент, придётся заткнуть рты беспринципным блогерам, жадным до контента и тем, кто эту инфу сливает. А на это нужны деньги. Понимаешь, о чём я? – зло сверкает глазами, продолжая улыбаться, словно сам дьявол.

– Я тут не причём. Ты виноват, тебе и отдуваться, – встаю на цыпочки, цепляясь за рукава его толстовки, чтобы не упасть. И давлю в себе страх.

Нельзя показывать Волку, что мне страшно. Нельзя дать себя запугать. Он специально говорит это всё, чтобы я поверила, испугалась и вела себя так, как ему выгодно.

Наверняка, хочет заставить меня думать, будто академия потребует денег от моих родителей, чтобы замять конфликт. Но я в этой истории – пострадавшая сторона. Отец Волкова и будет покрывать затраты на то, чтобы удалить из СМИ провокационный контент с участием его сына.

– Маленькая, наивная Мышка, – широко оскаливается волчара, наконец, отпуская меня. Я тут же шарахаюсь в сторону от этого психа и поправляю одежду. – Думаешь, эта грымза на твоей стороне? Думаешь, тебя кто-то защитит? – Будто читает мысли.

А, может, у меня на лбу всё написано...

– Не думаю, а знаю. Тебя давно пора поставить на место, – огрызаюсь, в то время как сердце пытается выпрыгнуть из груди.

Парень в ответ смеётся тихо. Угрожающе.

– Ошибаешься. Никто не защитит тебя от *меня*. Это, – обводит глазами помещение и впивается взглядом в моё лицо, – лишь начало. Решила подгадить? Окей, я испорчу твою жизнь в ответ. Око за око, Мышка. А ведь могла просто промолчать... – разводит руками, кривляясь.

Его улыбка могла бы посоперничать с улыбкой Джокера в безумии и одержимости. От неприкрытой угрозы, сквозящей в голосе Волка, становится по-настоящему страшно. До озноба. До мелкой дрожи. Хочется спрятаться. Сбежать из кампуса. Из академии. Обратно под родительское крыло, лишь бы никогда не видеть и не знать Максима Волкова.

Но вместо этого я гордо задираю подбородок вверх и цежу сквозь зубы:

– Попробуй и узнаешь, что случится с Волком, напавшим на добычу, которая ему не по зубам. И больше никогда, слышишь? Никогда не смей ко мне прикасаться!

С этими словами я яростно пролетаю мимо оборзевшего мажора, пихаю его плечом и сажусь в кресло. Дышу, словно загнанная добыча, но чувствую за собой маленькую победу. И даже то, что у меня слегка подрагивают руки, не испортит момент.

Я смогла дать отпор. Не струсила. Не повелась на угрозы.

И не поддалась его чарам.

Хотя очень хотелось...

Отрицать, что меня тянет к Волку – бессмысленно. Он слишком притягателен для женского пола. И я не исключение.

Вот только, в отличие от других, я вижу и гнилое нутро этого... придурка.

Макс медленно оборачивается. С таким выражением, словно бросится на меня в эту же секунду и...

К счастью, я так и не узнала, что он собирался сделать, потому что в кабинет вернулась Елена Валерьевна. И, судя по виду, не в настроении. А если учесть, что её вызывали к ректору, то не стоит ждать чего-то хорошего.

Под ложечкой начинает сосать. Я вжимаюсь в кресло, стараясь стать, как можно меньше. Интуиция подсказывает, что настроение Войт плачевно скажется на её решении относительно нашей проблемы.

Так и случается.

– Чего застыл, как истукан? Возвращайся на место. Бродит тут... – ворчливо произносит женщина, обращаясь к Волкову, и устало садится за стол. – Ну? Долго мне ждать? – От её бывшего спокойствия и терпения не осталось и следа.

Парень, всё это время не сводивший с меня взгляда, обещающего кровавую расправу и все кары небесные, грациозно, как-то по-кошачьи, усаживается в кресло рядом со мной. И, будто невзначай, касается меня локтём.

– Широкий что ли?

Похоже, придурок заразен. Уже даже говорить начинаю, как он.

Огрызнуться Волк не успевает. Хотя по глазам вижу – очень хотел.

– Тишина! – Елена Валерьевна внезапно ударяет по столу, и я подпрыгиваю на месте. Макс, глядя на меня ржёт, что ещё больше злит Войт. – Смешно тебе, Волков? Посмотрим, как ты посмеёшься, когда узнаешь, что твой отец уже здесь. В кабинет ректора, живо! А вы, юная леди, бегом на пары. Зайдёте ко мне в конце дня. Есть кое-что, что я должна сказать вам лично.

Я собираюсь послать однокурснику взгляд, полный ехидства, и даже показать язык украдкой, мол, смотри, я победила. Но спотыкаюсь о стремительно бледнеющее лицо Максима с играющими на нём желваками. Это настолько неожиданно, что на мгновение я забываю всё плохое, что он мне тут наговорил.

Неужели Волка так напугал визит родного отца?

Глава 5

Макс

Эта девчонка проклята! Отвечаю!

Нахера я в это всё ввязался? На-хе-ра?

Скучно тебе было, Волков? Получай с размаху и сразу в рожу.

В кабинет ректора захожу, как на плаху. Раз уж отец явился лично – ничего хорошего не жди. Он у меня... нетерпим ко многим моментам. И у него... особые методы воспитания. Личной разработки.

– Здравсьте, – бросаю сходу и падаю в ближайшее кресло.

– Волков.

Андрей Витальевич смотрит хмуро, но с сочувствием. Они с моим отцом – друзья. И ректор знает, на что способен его друг в гневе. А то, что отец в бешенстве, я даже не сомневаюсь. По роже и сжатым кулакам видно.

Грудак по привычке каменеет. Сделать нормальный вдох не получается. Ярость – защитная реакция на того, кто однажды забыл надеть презерватив, – не заставляет себя ждать. Она – как броня, прячущая маленького испуганного мальчишку внутри.

– Андрей, оставь нас. Мы с сыном потолкуем наедине.

Этот голос...

Ненавижу!

Будь моя воля, я бы никогда не встречался с отцом. Ни при каких условиях. Как только стукнуло восемнадцать – здравствуй свобода. Но бремя единственного наследника семьи Волковых давит невидимой удавкой. Вынуждает отца цепляться за меня, хотя он с радостью бы сдал меня в детдом, как только мать умотала с другим.

Но увы.

Там, где появляется рак, никакие деньги уже не помогают. А ещё одного кровного наследника Виктор Родионович Волков заделать не успел.

Окончательный сдвиг по фазе у отца произошёл в тот же год: тогда сбежала мать, и тогда же ему диагностировали последнюю стадию рака. Экстренная операция сохранила отцу жизнь, но не спасла от окончательной потери адекватности.

С того дня у меня больше не было папы. Был только отец. И ненависть.

Благодаря ей я всё ещё здесь. Благодаря ей я научился ждать.

Но не быть послушным. Увы.

– Вить, давай просто замнём инцидент и всё, – морщится ректор. – У парня гормоны, а девочка немного испугалась. Принесёт публичные извинения ей и всё.

Ага, разбежался. Никогда и ни перед кем не извинялся и не планирую начинать.

– Этот щенок понимает только язык наказания! Сколько

можно меня позорить?! – Отец багровеет от злости, вцепляясь толстыми пальцами в подлокотник кресла. Смотрит на меня бычьим взглядом. Будь мы наедине, втащил бы прямо здесь.

Но мы не одни.

Ядовито оскалившись, хмыкаю.

Пошёл нахуй.

– Ублюдок! – правильно считывает мой взгляд. Намере-
вается подскочить, но слишком спокойный голос друга вы-
нуждает его приземлить свою жирную задницу обратно.

– Угомонись, это приличное учебное заведение.

Андрею Витальевичу мгновенно перепадает на орехи:

– Учить меня вздумал? Не забывайся и помни, кто спон-
сирует это сборище элитных щенков. Мне плевать как, но ты
должен заткнуть рот нищенке до завтрашнего дня. И чтобы
ни одного писка в сторону моего сына не было больше!

Это он сейчас про Мышку?

Внезапно подскочивший пульс глушит. Перед глазами об-
разуется кроваво-красная пелена. Дышать становится нечем.
Ярость требует выхода. Требуется вколотить чью-то рожу в
пол. Желательно отцовскую, но его «невидимая» охрана
скрутит меня за секунду.

Приходится жёстко загаситься.

– Она не станет помехой. Я её уже припугнул, – обраща-
юсь больше к ректору, но отец вставляет своё важное мне-
ние.

– Ты уже достаточно дел натворил! Подрался с сыном Ильбирсова, перетрахал половину кампуса, а среди этих девок, между прочим, была дочка Ракитина! Уважаемого человека в наших кругах! Когда ты уже станешь думать своей блядской башкой, прежде чем что-то сделать? Истинный сын своей тупорылой блядливой матери!

Не выдержав, Андрей Витальевич решает вмешаться:

– Виктор Родионович! Прекрати это немедленно! – Теперь и дядя становится пунцовым от злости. – Будь ты хоть трижды спонсором нашей академии, но я не позволю даже тебе выражаться в *моём* кабинете в присутствии *моих* студентов.

– Да срать я хотел на эту твою шарашкину контору, – плюётся слюной отец, и всё же немного сбавляет тон. – Меня волнует моя репутация и репутация моего непутёвого сына. И до завтрашнего дня вы должны всё уладить. Как, какими методами – меня не волнует. Хоть в морской узел завяжитесь. Но если эта девка не заткнёт свой праведный рот, я *сам* помогу ей заткнуться.

Бля...

Стискиваю челюсть, чтобы ничего не ляпнуть.

Мишина – самая настоящая дура! Белобрысая идиотка, внезапно начавшая топить за справедливость! Почему она молчала везде, но не в ситуации со мной? Там, где реально нужно было держать язык за зубами!

Если до неё доберутся люди отца...

Похоже, Мышку придётся *заставить* молчать. Найти управу. Сегодня же. Иначе...

Фак-фак-фак! Чтобы я ещё хоть раз не прислушался к своей чуйке...

Отец, кряхтя, поднимается с кресла. Подходит ко мне и, положив вонючую потную ладонь на плечо, говорит тихо, так, чтобы слышал только я:

– Считай, сегодня тебе повезло, щенок.

Да уж... Реально повезло.

И, походу, не только мне.

– Прошу меня извинить, срочные дела, – говорит громче, чтобы Андрей Витальевич услышал.

Как только грузные шаги отца стихают за дверью, мы оба выдыхаем с облегчением.

– Макс, я ведь тебя просил... – С укором начинает дядя.

– Кто же знал, что эта заучка такая гордая, – фыркаю вместе извинений.

– Даже на самого жуткого волка найдётся свой охотник. Или ты плохо слушал сказку о Красной Шапочке в детстве? – по-отечески улыбается мне ректор, и совесть, которая выползает только рядом с ним, впивается мне в мозг. Грызёт.

Приходится постараться, чтобы сделать вид, будто её не существует.

– Волк вырос и у него своя сказка. Свои правила.

– Дурак ты, Макс, – со вздохом качает головой. – Втянул невинную девочку в наш отвратительный мир, а она ведь да-

же не в курсе, кто твой отец и чем ей это грозит.

– Я же сказал, что не нарывался. В этот раз – нет, – не выдерживаю прямого взгляда дяди и опускаю глаза в пол.

Виноват. Да. Но извиняться не собираюсь. Хотя Андрей Витальевич – единственный человек в моей жизни, кто этого действительно заслуживает. Никто не просил его заменять мне отца. Кто знает, кем бы я вырос, не вытаски он десятилетнего мальчика из тёмного подвала... и не продолжай он спасать упрямого волчонка во все последующие разы.

Но так уж совпало, что у тирана-ублюдка был неугодный сын-бунтарь, а его адекватный друг потерял сразу двоих в страшной катастрофе. И всю нерастраченную отцовскую любовь он отдал мне, дикому волчонку, который и на него огрызался и кидался первое время.

– Макс, ты должен извиниться перед Мишиной и попросить её не писать заявление. Сегодня же. Елена Валерьевна тебе в этом поможет. Никому не нужны проблемы в виде твоего отца, понимаешь? А бесконечно покрывать тебя я тоже не могу.

– Грымза была только рада утопить меня.

– Не гримза, а Елена Валерьевна, – недовольным тоном поправляет дядя. – Её терпение тоже не бесконечное. Как и моё. Пусть я и понимаю причины твоего бунтарского поведения, но не переходи черту. Это всё, о чём я всегда просил и продолжаю. В противном случае, даже я не смогу остановить твоего отца, ты же понимаешь. Я – такая же пешка в его

играх, как и ты. Пусть и с некоторыми привилегиями.

– Тогда нахера до сих пор водишь с ним дружбу? – Неутихающая ярость продолжает клочкотать, требуя выхода.

– За столько лет ты так и не понял? – на лице ректора появляется выражение, причиняющее мне боль.

Я понимаю.

Но ни разу не слышал от него прямого ответа. А он мне нужен.

Всё ещё нужен...

– Окей, я тебя понял. До вечера всё улажу, – резко поднимаюсь и собираюсь уйти.

Но голос дяди прилетает в спину:

– Держи меня в курсе. И постарайся больше не нарываться, пытаясь кому-то что-то доказать.

Я сжимаю ладони в кулаки. Хочу огрызнуться. Но тихое, едва слышное «сын» в конце, выбивает весь воздух из лёгких. Вгоняет в ступор, пока горло душат непонятные мне эмоции.

– Хорошо, – хриплю, как столетний старик, и буквально вылетаю из ректорского кабинета.

Хватит с меня на сегодня потрясений и драмы. Лучше забурюсь к себе и выплусь перед тем, как наведаться к Мышке с важным «разговором». А то чую, точно кто-нибудь нарвётся.

И будет очень херово, если этим *кем-то* опять станет наша недотрога.

Глава 6

Яна

Я инстинктивно ищу Волка глазами во время лекций, но не нахожу. Его отсутствие одновременно и успокаивает и тревожит. Он ведь ушёл к ректору, и раз до сих пор не вернулся, ничего хорошего не произошло.

Вдруг этот придурок не пытался меня запугать, а говорил правду?

Теперь поход к Елене Валерьевне по-настоящему беспокоит. Я жду его, как приговорённый к смерти – эшафот. К моменту, когда звенит последний звонок, означающий окончание учебного дня, мои руки похожи на две льдинки. Даже кончик носа замёрз.

Стресс. Один. Сплошной. Стресс.

Может, пока не стало поздно, перевестись в обычный государственный университет?..

Ну, уж нет! Я всю жизнь об этом мечтала. А АМО – та самая лестница, ведущая к вершине.

За своими мыслями не замечаю, как врезаюсь в кого-то. Учебники, которые я по привычке таскаю в руках, разлетаются по полу. А тот, в кого я врезалась, приглушённо охает, но не падает. Зато я – да.

Боль простреливает пятую точку. Юбка, которую я, как

назло, решила надеть именно сегодня, задирается, демонстрируя всем мои хлопковые еженедельки с бантиком посередине. Коридор заливается смехом студентов. Каждый пялится на меня, считая своим долгом снять происходящее на камеру. Каждый тычет пальцем и шепчется. А кто-то, не стесняясь, говорит слишком громко, чтобы остальные слышали и продолжили гоготать, но уже над похабной шуткой.

Теперь это видео, наверняка, будет гулять по закрытым чатам академии... Или того хуже...

Я топлю взгляд в пол, чувствуя, что вот-вот расплачусь. Нервно одёргиваю юбку, натягивая её до колен. Но подниматься не спешу из-за боли в лодыжке.

Кажется, подвернула...

– Прости, не смотрел, куда шёл. Давай, я помогу тебе подняться, – раздаётся мягкий баритон надо мной и этот «кто-то» укутывает меня в свой огромный пиджак.

В нос ударяет запах цитруса и мяты. Подняв взгляд, теряюсь. В окно слепит солнечный свет и парень, попавший в его ореол, кажется, ангелом-спасителем с нимбом из светлой шапки волос. Карие глаза смотрят виновато. С желанием помочь, загладить свою вину.

– Встать можешь?

Парень обхватывает меня за талию и тянет вверх. Я, опёршись на него, пытаюсь подняться. Но, как только наступаю на левую стопу, всю ногу простреливает острая боль.

Давлю болезненный стон. Смотрю на свои учебники, раз-

брошенные по полу, и понимаю, что долго так не продержусь. Ком из слёз стоит в горле со вчерашнего дня и требует выхода. А неприятные ситуации всё копят и копят...

– Ты как? До медпункта дойдёшь? – ловит мой влажный взгляд, и сердце на краткий миг сбивается с ритма.

Честно признаюсь:

– Не знаю, но попробую. Нога болит, скорее всего подвернула.

– Прости, – густые брови пшеничного цвета встают «домиком». – Сам не понимаю, как так умудрился. На видос залип...

– Бывает, – говорю я, размышляя, как поднять свои учебники и не стать посмешищем снова.

– Вот я идиот! – замечает мой взгляд. – Сейчас всё соберу. Стоять можешь? – спрашивает, прежде чем отпустить меня.

Я неуверенно киваю, ощущая себя неуютно под градом чужих глаз, продолжающих смотреть на этот спектакль. Незнакомец убеждается, что я могу стоять без его помощи, и быстро поднимает учебники с пола.

– Пока себе в сумку положу, – смущённо тараторит он. – Меня Ваня зовут. А тебя?

– Яна.

– Опирайся на меня, Яна, – берёт мою левую руку и закидывает себе на плечо. – Вот так, держись.

От неловкости, закусываю щёку изнутри. Пытаюсь сделать несколько шагов, но выходит из ряда вон плохо. А под ак-

компанемент пренебрежительного фыркання со стороны, так и вовсе.

– Спасибо за помощь, но лучше я сама дойду, – убираю руку с чужого плеча.

– Ладно, долой формальности, – слишком уж бодро заявляет Иван и одним ловким движением берёт меня на руки.

Я растерянно пишу. Смотрю в глаза, напоминающие крепко заваренный листовой чай, и не понимаю, что с этим мажором не так. Он ведь явно не из таких, как я!

Почему Иван мне помогает?

– Возражения не принимаются. Я виноват, мне и расхлёбывать.

От шока я даже не нахожу, что ответить или возразить. Только растерянно хлопаю ресницами и крепко держусь за его шею, пока он на глазах у всей академии несёт меня на руках в сторону медпункта.

Врач, работающий при АМО, выпроваживает «героя» за дверь, и лишь после принимается за осмотр. Обязательно трогает там, где болит больше всего, заставляя меня шипеть. А после всех необходимых манипуляций прописывает мне обезболивающее, накладывает тугую повязку на область лодыжки и советует на ночь подкладывать подушку под ногу.

– Ничего серьёзного, небольшое растяжение, дня три походите с эластичным бинтом, и всё пройдёт, – протягивает мне листочек с назначением и коробочку с лекарством. – Сегодня старайтесь лишний раз не перегружать мышцы ходь-

бой, а вот с завтрашнего дня лучше давать небольшие нагрузки даже через боль.

Заверив врача в том, что всё поняла, выхожу из кабинета, прихрамывая. Ваня, ждавший меня на скамье в коридоре, тут же подскакивает.

– Ну, как? Что он тебе сказал?

– Поводов для волнения нет. Через три дня всё пройдёт, – спешу успокоить парня.

– Фух! Я так рад! Аж отлегло, – улыбается мне, демонстрируя ровный ряд белых зубов. Что ещё раз доказывает – Иван не бюджетник, а мажор. Такие зубы бывают только у тех, кто отвалил круглую сумму стоматологу.

– Спасибо тебе за помощь, дальше я сама, – выдавливаю из себя ответную улыбку и возвращаю невольному спасителю пиджак.

Всё же я не настолько наивна, чтобы сразу поверить в доброту этого парня. Он – мажор. А все мажоры одинаковые. С гнильцой.

– Я провожу тебя до кампуса.

Энтузиазм из парня так и плещет. Хоть ложками черпай. Но я спешу прикрутить его, пока совсем не разошёлся.

– Перед тем как идти к себе, мне нужно зайти ещё кое-куда.

Иван делает «обратную улыбку» и понятливо кивает.

– Ладно, не дурак. Не навязываюсь, – взъерошивает волосы на затылке. – Но, если что, я учусь на факультете между-

народного бизнеса. Иван Брежин.

Я киваю из вежливости, не собираясь запоминать ни фамилию, ни факультет парня. Отсалютовав мне, он возвращается учебники и уходит. В крыле медпункта я остаюсь одна, если не считать врача за стеной. Прежде чем отправиться к Войт, сажусь на скамью и сижу так какое-то время, приходя в себя. И пытаюсь смириться с мыслью, что видео с моим позором обязательно будет гулять по сети.

До кабинета Елены Валерьевны добираюсь с большим трудом, постоянно ловя на себе злорадные взгляды случайно встреченных однокурсниц и похабные, с пошлыми намёками – однокурсников.

– Входи, – громко произносит глава комитета по воспитательной работе, услышав, что я стучусь.

Собравшись с духом, толкаю дверь. В кабинете витает слабый запах сигарет, и я едва удерживаюсь, чтобы не вскинуть брови от удивления.

Никогда бы не подумала, что эта женщина курит.

Войт оторвавшись от изучения каких-то бумаг, окидывает мою лодыжку внимательным, цепким взглядом.

– Что у тебя с ногой?

– Подвернула.

– По дороге сюда? – скептически выгибает бровь.

– Почти.

Елена Валерьевна шумно вздыхает. Качает головой. Снимает очки и на секунду устало прикрывает веки, растирая их

большим и указательным пальцами.

– Ты здесь долго не протянешь, девочка.

От такого заявления я слегка опешиваю.

– Простите?

– Они сожрут тебя и даже костей не оставят. И не смотри на меня так, – отмахивается. – Уж кому, как не мне, знать, что происходит в стенах академии.

– Так вы в курсе? И ничего не делаете?

– Я делаю всё, что в *моих* силах, – едко ухмыляется одним уголком сухих губ. И бросает красноречивый взгляд на камеру, установленную в кабинете.

Понятно. Войт тоже не всесильна. Она – человек подневольный. Что говорят, то и делает.

Я незаметно киваю, намекнув, что уловила смысл нашего немого диалога.

– Позволь дать тебе совет, юная леди, – женщина переплетает пальцы в замок и откидывается в кожаном кресле. – Если хочешь и дальше здесь учиться, не связывайся с Волковым.

– Я и не...

Она резко вскидывает руку, призывая меня к молчанию.

– Я в курсе. Просто... держись от него подальше и игнорируй любые выходки.

В груди просыпается горячий ком возмущения.

– Как их игнорировать? Он ведь не просто украл мои вещи из шкафчика, он караулил меня под дверью, вы же сами

всё видели! А если бы я не нажала тревожную кнопку? Что тогда? Вы бы закрыли глаза на откровенные приставания? Или даже... *изнасилование*?

– Яна, будь умнее, ты же девочка не глупая, – снисходительным тоном произносит Елена Валерьевна. – Пусть Волков и выглядит, как отморозок, он никогда не переступает черту. Может напугать, может шантажировать, но дальше слов обычно не заходит. Ты, наверное, уже заметила, что в нашей академии *свои* правила? – Делает небольшую паузу, позволяя осознать весь масштаб проблемы. – Если хочешь и дальше учиться здесь *без проблем*, придётся соблюдать эти самые *негласные* правила.

– Вы серьёзно? – лепечу вмиг пересохшими губами. – Предлагаете просто молча терпеть? Что бы Волков ни сотворил?

– Максим больше тебя не побеспокоит. Он *уже* получил своё наказание.

– Вы плохо знаете Волка, – бормочу себе под нос.

– Яна, – строго, настойчиво. – Я хочу, чтобы ты меня сейчас слышала. Это не шутки. Для тебя же лучше, если будешь помалкивать обо всём. Не лезть. Не искать справедливости, потому что её здесь *не будет*. В противном случае, всё плохо закончится. Ты меня поняла? – вливается острым, как бритва, взглядом.

Сердце колотится в груди, будто ненормальное. Хочется продолжить возмущаться, но *теперь* я понимаю, что это бес-

полезно. Волк был прав, они все здесь заодно. И мне никто не поможет.

– Поняла.

– Хорошо. – Её напряжённые плечи расслабляются. Даже взгляд меняется, становясь таким, каким был до нашего разговора – спокойным и сосредоточенным. – Программисты создали тебе новый электронный пароль и усилили защиту. Возвращайся к себе, Мишина. И не забывай, о чём мы с тобой договорились.

Глава 7

Макс

– Ну, ты и лошара! – ржёт Лекс, опрокидывая в себя банку пива.

– Не смешно, – огрызаюсь, чувствуя, как злость всё сильнее отравляет сознание. Туманит здравый рассудок.

– Да лошара, как есть! Мало того, что тебя спалили, так ещё и отец твой в курсе. Это ли не пиздец, товарищи? – драматично вскидывает руки к потолку.

– Заткнись, или я тебе врежу.

Одного взгляда оказывается достаточно, чтобы мою просьбу выполнили.

– Ладно, не кипятись. Я просто в ахере. Всё через жопу... То, что твой отец теперь пасёт нас, жёсть как херово.

– Не ты ли меня надоумил? – щурюсь презрительно.

– Не я ли пытался отговорить? Не я ли предупреждал? – язвит в ответ.

Я прикусываю язык, чтобы не ляпнуть что-то по-настоящему обидное. То, что заденет Лекса.

Он прав. Это всё – пустая болтовня. Разбор полётов, не более. Сделанного уже не вернуть. Так что, не имеет смысла искать виновных. Что действительно нужно – искать выход из жопы. А их, как известно, целых два.

Поднявшись со своей кровати, кошусь на нераспечатанную банку пива и... так и не беру её.

– Я должен заставить Мышку замолчать, – озвучиваю мысли вслух.

– Тебе вчерашней ночи не хватило? Лучше сиди тут и не рыпайся. Ты её чем-то триггернул, походу, раз она на тебя единственного так нетипично реагирует. – Друг поднимается с койки следом и хлопает меня по плечу. – Старикан во всём разберётся, вот увидишь. Расслабь булки и не загоняйся.

– Лекс...

– Тебе реально лучше не отвечивать, тут я полностью согласен с дядькой ректором. Да и ставлю сотку на то, что гримза уже внесла свою лепту и не позволила заучке написать на тебя жалобу.

– Где гарантии?

– Сходи к Войт и спроси у неё лично – вот твоя гарантия, – цокает.

Банка с пивом так и манит. Хочется сделать, как сказал Лекс – расслабить булки и не париться. Набухаться, утопив злость в алкоголе. Но что-то свербит. Не даёт покоя, заставляя меня беспокойно кружить по комнате.

– А как же спор?

Друг корчит гримасу. Морщится.

– М-да, херово получилось. Ты меня знаешь, если бы всё было только между нами, я бы забил. Но ставки делали все пацаны. Тут либо пан, либо пропал, – разводит руками. –

Если бы не твой отец, можно было бы покошмарить ботаншу и потрепать нервишки гримзе... Но ситуация, мягко говоря, усложнилась. Мы в западне, бро, — подводит итог. — Со всех сторон обложили.

— Есть идеи? — поднимаю с пола оранжевый мяч и бросаю его в миниатюрную баскетбольную корзину, прикреплённую к дальней стене.

И не попадаю.

Мяч издевательски рикошетит от кольца и отскакивает в сторону Лекса. Тот ловит предателя, но кидать не спешит, задумчиво вертя его в руках.

— Я вижу только один выход — проиграть. Признать, что Мышка тебе не по зубам и чёрт с ним с этим спором. Плевать на ставки. Я сделаю вид, что забрал тачку, выкину пару фоток в соцсети, и дело с концом.

Бунтарь внутри рвёт и мечет. Противится тому, что предлагает друг.

— Так не пойдёт. Я никогда не проигрываю.

Ни-ког-да!

И эта недотрога не станет исключением. Не для того я столько лет пахал на репутацию, зарабатывая уважение и авторитет.

Лекс укоризненно качает башкой.

— Напомнить, что твой отец сделает с тобой и заучкой, если что-то пойдёт не так? Риск — дело благородное, но не в этом случае, Макс. Ты поставишь под удар не только себя,

но и дядьку. А ещё – гримзу и Яну.

– Предлагаешь уступить? – рычу, сквозь зубы. – Прогнуться под этого жирного ублюдка? – И резко отрезаю. – Должен быть другой выход.

Друг хлопает себя по лбу. Выставляет руки перед собой в обезоруживающем жесте.

– Хочешь знать моё мнение? Это того не стоит. Я категорически против, чтобы ты продолжал, – произносит он и утыкается в телефон.

Какое-то время в комнате стоит тишина. Лекс молчит, давая мне время обмозговать всё и принять решение. Я же мечусь из угла в угол, прогоняя в голове сотню вариантов выхода из попadosа и отбрасывая их все.

Всё – херня. Всё не то.

– ...акс? Макс, твою налево! Оглох что ли? – Он подскакивает с кровати и подлетает ко мне. – Смотри! – тычет в меня телефоном.

Я со злостью выхватываю смартфон из его рук и...

Не может быть! Мне не могло так подфартить.

– Ты просил другой выход? Вот он! – стучит пальцем по экрану с видосом. – Поверить не могу! Да ты самый настоящий везунчик!

Я поджимаю губы, никак не комментируя его базар. Только осуждающе кошусь.

Ага... Везунчик...

Посмотрел бы я на рожу Лекса, узнай он *всё*, что мне до-

велось пережить.

– Это точно Мышь! Зачётные у неё труселя, – угорает друг, пересматривая видео с участием Мишиной в четвёртый раз.

Признаться, во время первого просмотра мой взгляд тоже цепанули трусы и ноги заучки. Но на четвёртый я, наконец, разглядел второе действующее лицо.

– А это ещё кто? – спрашиваю, не понимая, откуда столько бешенства в голосе.

На видео неизвестный хмырь смотрит только на *Мышку*. И только ей *в глаза*. И это притом, что юбка девчонки была задрана чуть ли не до самого носа!

Далее блондинчик укрывает Мышку своим пиджаком и тащит куда-то на руках. На глазах у всей академии. И, судя по роже, его абсолютно не волнует загаженная репутация. А её обязательно загадят. Богачи – те ещё шовинисты и блюстители чистоты «голубой крови».

Рыцарь в сияющих доспехах, бля...

В груди разливается странное чувство. Неприятное. Давящее. Обжигающе ядовитое. Оно мне не знакомо, поэтому и идентифицировать его не получается, что вызывает дополнительный приступ злости.

Раньше я ничего подобного не испытывал.

– Это Ваня.

– Просто Ваня?

Лекс что-то улавливает в моём тоне и подозрительно ко-

сится.

– Только территорию метить не начини. Плевать на этого спасителя угнетённых. Видео – твой шанс заставить Мишину молчать и... возможно, победить в споре! – слишком радостно заканчивает фразу.

– С первым я согласен. Но как эта хрень, – киваю на экран телефона, – поможет мне выиграть спор?

– А я говорил, что тупость Жанны заразна, – фыркает и быстро продолжает, не давая мне вставить и слова. – Ты упустил самое важное! Смотри ещё раз.

Я пересматриваю видео в пятый раз, но ничего нового не вижу: растерянная Мышка, бесящий меня рыцарь и ржущая толпа в коридоре.

– Макс! Ты серьёзно? – читает ответ по моему хмурому фэйсу. – Мозги себе ночью отморозил? Или у Жанны одолжил?

– Харе меня скамить, переходи к делу! – рычу, ощущая себя так, будто вот-вот на кого-нибудь наброшусь.

Бесит. Как же всё бесит!

– Ладно, зайдём издалека... – тянет Лекс и усаживает меня на кровать. – Ты раньше видел, чтобы заучка с кем-то водилась? А разговаривала?

– Нет.

– А Ваня её на руках тащит! Дошло?

– Нет, до меня не дошло, ты доволен? – психую.

– Этим видосом мы убьём сразу двух зайцев! – торжеству-

юще восклицает друг. Ещё и руками машет для экспрессии. В театральный ему надо было поступать, а не в АМО. – Короче, смотри, план такой: ты просишь Яну выйти к тебе поговорить, если она не соглашается, говоришь про видос и что хочешь помочь. Ботанша ведётся, ты, по примеру Вани, изображаешь из себя защитника сирых и убогих, клятвенно заверяешь удалить это видео отовсюду в обмен на ма-аленькое условие.

– Забыть о вчерашнем инциденте? – до меня, наконец, допирает суть гениального плана.

– Неужели! Думал, ты совсем безнадёжен.

– Завались, – хмыкаю беззлобно.

– Раз уж Мишина ведётся на такие штучки, тебе нужно будет зайти с другой стороны. И если раньше ты брал напоном, то теперь...

– Погоди, ты помогаешь мне выиграть спор? – довольно скалюсь. Ситуация, в которую я вляпался, больше не кажется беспросветным чёрным пятном.

– На что только не пойдёшь ради лучшего друга, – треплет меня по плечу, давя лыбу, и я окончательно заражаюсь энтузиазмом Чернова.

– С меня должок.

– Сочтёмся, бро, сочтёмся, – подмигивает мне, откупоривая последнюю банку пива. – Для начала уломай эту недоτροгу, а то вдруг у неё *на тебя* аллергия. Вот *это* будет настоящая задница!

– Нет уж, – отбираю у него банку и делаю несколько глотков. – На этот раз я воспользуюсь твоим ценным советом и буду действовать хитрее. Остальное – дело времени. А в умении ждать мне нет равных, сам знаешь, – возвращаю ему пиво с мрачной, но предвкушающей ухмылкой. – Дверь не забудь запереть, когда свалишь, – бросаю напоследок и, накинув на голову капюшон и сунув руки в карманы, выхожу из комнаты.

Шутки кончились. Началась настоящая охота. Игра, в которой только один победитель. Теперь это дело принципа. Капкан захлопнется сегодня.

И никто, ничто меня не остановит.

Глава 8

Яна

Нога ноет всю ночь, несмотря на принятую таблетку обезболивающего. Я ворочаюсь, пытаюсь уснуть, но в итоге понимаю, что это бесполезная затея. И, не зная, чем ещё заняться, принимаюсь скроллить* ленту в соцсетях.

Любопытство – не порок. Да и я не кошка, чтобы оно меня сгубило, поэтому, пожевав губы, вбиваю в строку поиска имя, которое почему-то запомнила с первого раза.

Иван Брежин.

Поисковик выдаёт множество аккаунтов, но я быстро нахожу нужного мне Ивана. Залезаю к нему на страничку и скидываю брови от того, насколько она идеальная.

На аватарке – милая фотография. Парень стоит в красной футбольной форме посреди зелёного газона, сунув руки в карманы шорт, и смотрит вдаль, так, что мне виден только его чёткий профиль. В альбоме – куча фотографий с семьёй, собакой и друзьями. И все до оскомины на зубах «правильные».

Если судить по тому, что я вижу, Иван Брежин – примерный мальчик из богатой семьи. Мамина и папина гордость. Спортсмен. Футболист. А ещё у него есть младшая сестра и собака – золотистый лабрадор. С друзьями он отдыхает мак-

симально культурно – на природе или в спортивном баре. На всех фотографиях у Вани широкая улыбка и трезвый взгляд.

Ни одной фотки с вечеринок. Ни одной с алкоголем. Ни одной пафосной надписи. И вся страничка с личной информацией, будто тоже вылизана до идеала.

Восемнадцать лет. Окончил колледж при АМО. Учится на факультете международного бизнеса, как и сказал мне. И, судя по всему, учится на отлично, потому на фотографии с выпускного он держит красный аттестат.

Глядя на всё это, закусываю нижнюю губу.

Может, я зря сразу повесила на него ярлыки? Может, он и вправду не притворялся добрым и хорошим? Ведь, если нет искать подводные камни, Иван и вправду выглядит и ведёт себя, как «золотой мальчик» с хорошим воспитанием.

Внезапно ловлю себя на том, что невольно сравниваю Брежневина с Максом.

Иван довольно симпатичный, есть в нём что-то такое, что притягивает взгляд. Вот только до Волка ему далеко. На его фоне золотой мальчик теряется. Особенно в купе со своим амплуа «хорошего парня». Девчонок в любые времена притягивали и притягивают загадочные и мрачные одиночки. Правда, на этом они и погорают.

Повертев в руке смартфон, не удерживаюсь от того, чтобы вбить в строку поиска другое имя. Но, перед тем как нажать на «лупу», раздумываю ещё пару секунд, чувствуя, как начинаю волноваться. От нервов потеют ладошки, и подмерзает

кончик носа, но я всё же совершаю поиск.

Максимов с фамилией Волков оказывается ещё больше, чем Иванов Брежиных. Но найти нужного мне – проще простого. Он первый в списке.

Более миллиона подписчиков. Куча загадочных фотографий в тёмных, я бы даже сказала, мрачных тонах. На некоторых не сразу понимаешь, что происходит. Но фотографий самого Волка мало. Зато именно на них больше всего лайков. Единственное, что выделяется пятном на фоне всей страницы – кружок аватарки. На ней Макс прикуривает сигарету, не глядя в кадр, а за его спиной приглушённым тёмно-красным светом горит неоновая вывеска неизвестного мне заведения.

От профиля, как и от самого Волкова, незримо витает ощущение опасности и бегут мурашки по спине. Инстинкты и шестое чувство машут ред флагами, умоляя держаться от этого парня подальше. Ведь, что внутри, то и снаружи. А в наше время нет ничего показательнее, чем личная страница в социальных сетях. Она – как визитная карточка, по которой при желании можно многое узнать о человеке.

После ваниной странички профиль Волка выглядит не просто контрастным, а показательным. Как чёрное после белого. С жирной подписью: «Не лезь, убьёт».

От греха подальше аккуратно закрываю чужую страницу, до ужаса переживая о том, что могу случайно оставить «следы» своего пребывания. Перед тем как закрыть соцсеть, удаляю всю историю поиска на всякий случай, и со вздохом уби-

раю телефон в сторону.

Нога вроде как успокоилась, но теперь мозг, атакованный любопытством и анализом чужой личности, не хочет спать. Протестует, выманивая прогуляться. Подышать свежим воздухом. Или сходить в душ, но воспоминания о вчерашней ночи ещё слишком свежи. А я не настолько глупа, чтобы после случившегося отправляться посреди ночи на прогулку или даже в душ.

Приходится закрыть веки и приказать себе считать овец.

Одна... Вторая... Третья...

Тук!

Я резко распахиваю глаза, не понимая, откуда доносится звук. Вся замираю, обратившись в слух.

Надеюсь, мне показалось...

Несколько секунд тишины кажутся вечностью. Тянутся, как кисель.

Тук! Тук!

Оказалось, что звук раздаётся не со стороны двери, как мне почудилось в первый раз, а со стороны окна, выходящего на небольшой сад, который расположен внутри кампуса. Именно этот сад разделяет мужскую и женскую половины и является своеобразной преградой между корпусами.

Я подскакиваю с кровати, ударяясь мизинцем об тумбочку. Шиплю ругательства и уже осторожнее подхожу к окну. Касаюсь края портьеры, пытаюсь незаметно отодвинуть её в

сторону. Но непонятный звук повторяется вновь, и я подпрыгиваю на месте, испугавшись.

– Да чтоб вас! – ругаюсь уже вслух.

Наверное, это всего лишь любопытная птица... Стук очень похож на удар клюва по стеклу.

Не позволяя себе долго думать, одним резким движением распахиваю шторы и вглядываюсь в черноту ночи сквозь стекло. Щурюсь, внимательно изучая тени. Но ни птиц, ни любой другой живности поблизости не замечаю. Чертыхнувшись, собираюсь развернуться и уйти, как в окно откуда-то снизу прилетает мелкий камушек.

Тук!

Я инстинктивно дёргаюсь. Отступаю назад. Но злость на неизвестного шутника заставляет меня вновь шагнуть вперёд и распахнуть створку настежь.

– Кто здесь?! – моё негромкое шипение эхом разносится по саду.

– Спускайся. Разговор есть, – не утруждает себя приветствиями тьма, голос которой кажется смутно знакомым.

Не узнать в чёрной кляксе снизу Волка невозможно. Ужас опутывает настолько, что мелкие волоски на затылке встают дыбом.

Только не он...

Только не снова...

Скажите, что я уснула и мне просто снится кошмар...

– Я два раза повторять не стану, Мышка, – выходит из

тени деревьев. Словно издеваясь, лунный свет освещает его мрачную рожу, чтобы я убедилась – это не сон. – Спускайся или я сам зайду.

– Что тебе нужно?

Скользкие щупальца страха опутывают грудную клетку, мешая сделать полноценный вдох.

А ведь Елена Валерьевна всего несколько часов назад говорила, что он меня больше не потревожит...

– Я же сказал, разговор. Мы просто поговорим.

– Убирайся или я вызову охрану! – повышаю голос, но в нём чётко слышатся нотки паники.

– Давай не будем наступать на те же грабли, – вытаскивает руки из карманов толстовки и уверенными шагами приближается к стене здания. – Мне казалось, ты умнее.

– Что ты делаешь? – восклицаю за секунду до того, как меня озаряет догадка: он хочет залезть через окно.

Пока я болтаю и прихожу к гениальному выводу, Макс, словно заправский паркурщик или какой-нибудь человек-паук, цепляет за выступы и ловко, но главное, быстро, забирается наверх.

Видать, не впервой, – отстранённо подмечает сознание.

Закрывать окно я не успеваю. Уцепившись за карниз, Волк подтягивается на руках, вынуждая меня отойти вглубь комнаты, и запрыгивает внутрь. Отряхивая ладони, осматривается, как ни в чём не бывало.

– Миленько, – хмыкает, разглядывая мои трусы, сушащи-

еся на батарее. – Погоди, это не те ли самые, знаменитые, которые на видео попали?

Что?

Если он уже посмотрел то видео, значит, и вся академия тоже...

От шока не могу вымолвить ни слова. Тупо пялюсь на парня, одетого, как шантрапа. Тру глаза, всё ещё лелея надежду проснуться. Даже щипаю себя украдкой. Но и без этого боль в подвёрнутой ноге, обострившая от нервов, подтверждает – Волков реален.

И он в моей комнате.

А я даже сбежать не смогу...

– Чё зависла, стукачка? Или у тебя столько вкладок сразу не обрабатывается?

Мои брови тонут в шевелюре от неприкрытого хамства и наглости этого придурка.

– Пошёл вон отсюда! – наконец, отмираю я.

Подаюсь вперёд с выставленными перед собой руками и всем телом наваливаюсь на Волка, пытаюсь отпихнуть его обратно к окну. Но куда там! Он даже не пошатнулся, а я будто на камень напоролась.

Обхватив мои запястья ладонями, словно стальными обрубками, дёргает их на себя. Впивается взглядом в моё лицо и цедит:

– Я помочь пришёл, полоумная. Угомонись. Поняла?

– Не смей ко мне прикасаться, слышишь? – вырываюсь

неистово. И как-то отчаянно.

Я уже говорила ему подобные слова в кабинете Войт. Но, похоже, мажору мои угрозы до одного места. Он лишь стоит и снисходительно смотрит на мои брыкания, пугающе улыбаясь.

Как скала, которой всё равно на бури и ураганы.

– А то что?

– А то... Узнаешь! – Мой голос звучит трусливо и неуверенно. И, наверняка, я выгляжу точно также. Волк застал меня врасплох. – Мне сказали, что ты больше меня не потревожишь, – выпаливаю на одном дыхании. – Что...

– Я предупреждал, что *никто* тебя не спасёт. Надо было думать своей башкой, прежде чем жаловаться руководству. А теперь позднiak метаться.

В нос настырно лезет аромат парня. Щекочет ноздри. Дурманит. Хочется прекратить сопротивляться. Хочется смириться. Сдаться. Я пытаюсь сбросить с себя непонятное навязание, но выходит с трудом. А потом ощущаю на своей коже его взгляд. Он плавно скользит вниз. Цепляет соски, торчащие сквозь маечку на тонких бретельках. Обжигает тонкую полоску живота, оголившегося от того, что парень удерживает мои запястья над головой.

Волк шумно выдыхает и внезапно отпускает меня. Делает два шага назад. Я пользуюсь моментом и отскакиваю к двери.

– Не вынуждай меня делать тебе больно, Мышка. Я дей-

ствительно пришёл просто поговорить и предложить сделку. Помочь. Но если ты сейчас прикоснёшься к замку, чтобы открыть дверь, мне придётся скрутить тебя. И, поверь, больше церемониться я не стану. И помогать тоже.

Снова твердит про какую-то помощь...

– О чём ты?

Любопытство и некая доля страха перед его угрозой побеждают. А может дело в том, что он прав и мне на самом деле никто не поможет. Сегодня я в этом окончательно убедилась.

Никто, кроме него. Раз он сам предложил мне помощь, значит, ему что-то нужно от меня. Из этого можно извлечь личную выгоду.

Если, конечно, Макс не врёт и если это не очередная уловка...

Я прижимаю к груди руку, до этого тянущуюся к замку, и, прислонившись спиной к двери, настороженно слежу за каждым движением Волка. Тот в свою очередь не сводит с меня прищуренных глаз. На его лице отражается непонятная мне борьба, сбивающая с толку.

– Я говорю один раз, а ты слушаешь внимательно, Мышка. Кивни, если поняла. – Медленно опускаю подбородок вниз, и только тогда он продолжает. – Видео с твоим эпичным фэйлом, – кивает на мои трусы, которые сегодня видела вся академия, – я удалю его взамен на одно небольшое условие.

– К-какое? – лепечу пересохшими губами.

Признаться, я не ожидала услышать от него нечто подобное...

Волков отвечает не сразу. Склонив голову на бок, снова проходится жарким, осязаемым взглядом по моему телу. На лице парня играют желваки и так сразу не понять, что таится на дне его глаз: похоть или желание придушить меня.

В конце концов, он разлепляет губы и выдаёт то, что окончательно повергает меня в шок:

– Завтра утром ты пойдёшь к ректору на ковёр и скажешь, что не имеешь к Максиму Волкову никаких претензий и что вчера произошло недоразумение. Можешь придумать, что угодно: ПМС, истерика, полнолуние, женские дни, ретроградный меркурий или что ещё вы, девушки, любите говорить в качестве оправданий? – презрительно фыркает, делая небольшую паузу. – Но самое главное, что бы между нами ни происходило в дальнейшем, ты всегда будешь держать язык за зубами, Мышка. Иначе подобные видео с засветом трусов станут только началом. Я сгною тебя, поняла? И даже ад покажется раем по сравнению с тем, что я сделаю с тобой.

**Скроллинг (от англ. scrolling — «просматривание; прокрутка») — форма представления информации, при которой содержимое (текст, изображение) движется (прокручивается) в вертикальном или горизонтальном направлении.*

Глава 9

Макс

То, что моя ночная вылазка и план Лекса пошли по звезде, я понял не сразу.

Весь эпик зашкавар доходит только после фразы:

– Ты всегда будешь держать язык за зубами, Мышка. Иначе подобные видео с засветом трусов станут только началом. Я сгною тебя, поняла? И даже ад покажется раем по сравнению с тем, что я сделаю с тобой.

Но сказанного не вернуть.

Мишина стоит, испуганно прижавшись к двери, и смотрит на меня, как на монстра. Зверя, который может кинуться на неё в любую секунду. И, чёрт подери, я именно так себя и ощущаю – зверем, который *хочет* самку.

Эту самку.

Почему её? Да хрен разберёт. Просто тянет. Разбираться в причинах – последнее, что я бы стал делать.

Что гораздо интереснее – моя реакция на Мышку. Стою, как лох, и не могу оторвать взгляд от стройных ножек, которые теперь вижу вживую.

И не понимаю: я же столько их видел! Разных! Чем *её* ноги лучше?

Злюсь. На себя. На неё. На то, что ходит в шёлковой пи-

жамке не скрывающей ни торчащие сиськи, ни эти... ноги! А могла ведь одеваться, как все серые мыши – в пижаму-рубашку по горло и бесформенные штаны с уродскими плюшевыми медведями или зайцами!

Но нет... Мишина в коротком топе на бретельках, демонстрирующем её острую грудь, и шортах с вырезами по бокам, которые только подчёркивают аппетитные бёдра.

Это она виновата в том, что я ляпнул какую-то дичь, вместо того, чтобы изображать из себя рыцаря! Как увидел её в этом прикиде, опять будто помешался или курнул... Башка совсем не работает. Достаточно опустить глаза вниз, на ширинку, и сразу станет понятно, *кто* всем заправляет!

И что с этой девчонкой не так?

Проклята... Она точно проклята! Мой личный антиталисман. И мне нужно держаться от неё подальше.

Так какого хера я опять здесь и опять наступаю на одни и те же грабли?

Может, Лекс прав и ну его? К чёрту спор, к чёрту тачку... Припугнул и достаточно. Впечатлений ей хватит надолго. Вряд ли захочет рот раскрывать в дальнейшем. Да и Мышка сама сказала, что *ей обещали*, словно я буду держаться от неё подальше. А значит, Войт уже поработала.

Волна протеста накатывает внезапно. Долбит.

«Серьёзно? Девчонка тебя сделала? – насмешливо шарашит по раздолбанным нервам. – И что дальше? Примерный сынок, глотающий любой плевков отца? Ручной пёс, послуш-

но выполняющий любую его команду?»

Грудак обжигает кислотой, которая моментально выжигает внутренности. Приходится жёстко загаситься, иначе столу Мышки придёт хана.

Тишина затянулась, поэтому приходится процедить:

– Ты меня поняла, *Яна Мишина*? – ехидно выплёвываю её имя. – Ещё хоть одна выходка и можешь забыть о спокойной жизни.

Что ж, если факапиться, то до конца. Так хотя бы идиотом с биполяркой выглядеть не буду.

Серые глазищи смотрят с ещё большим ужасом. «*Чудовище*», – читается в её взгляде.

Пусть так. Страх тащит за собой молчание и осторожность. Теперь она тридцать три раза подумает, прежде чем чесать своим языком и искать ненужную никому справедливость.

– Э-это всё? – запинается девчонка, наконец, подав голос. Обхватив себя за плечи, глядит исподлобья. И вот вроде бы боится, но в то же время в глазах грёбанное упрямство.

Я собираюсь ответить что-то грубое, в стиле: «Нет, не всё», – и добавить ещё тысячу пунктов, но взгляд цепляется за острые ключицы худощавого тела девчонки. И все слова вдруг застревают в глотке, когда я вижу тонкую веточку саккуру под одной из них с левой стороны.

Это какой-то прикол? Насмешка судьбы? Или я уже давным-давно в аду, а всё происходящее со мной, не что иное,

как симуляция?

Сердце грохочет о рёбра. Хочет выбить их к чертям.
Это просто совпадение. Сраное совпадение!

Это не она.

Но в голове болезненно яркими вспышками мигает бегущая красная строка: *у скольких ещё девушек могут быть веточки сакуры под левой ключицей?*

Нет. Не пудри себе мозги, Волк. Уйма тех, кто набивает трендовые картинки из пинтереста. А людей на Земле – миллионы. Миллиарды. Да и было это... чёрт знает где и чёрт знает когда. В бреде. Она вообще могла тебе присниться. Быть галлюцинацией. Плодом твоего больного воображения!

Так и не дождавшись ответа, Мышка повторяет громче и увереннее, выдёргивая меня из болезненных воспоминаний:
– Это всё?

Я поднимаю на девчонку затравленный взгляд. Вгрызаюсь в её татушку и изучаю каждую деталь. Каждую веточку и розовый лепесток. И чувствую себя больным на голову.

Сюрр! Какой-то сюрр!

– Всё, – вырывается глухое.

Меня как-будто по голове огрели чем-то... Хотя это не так уж и далеко от истины. Моральная кувалда оказалась почти реальной. Ощутимой.

– Я тебя поняла, – твёрдо чеканит каждое слово. Храбрится, как котёнок, встретивший гепарда.

А она хорошо держится. Для девчонки.

Я невольно ухмыляюсь.

– Яйца тебе не к лицу, – хриплю я. – Ты же девчонка, вот и будь ею.

Мишина за секунду становится похожей на помидор. Несвязно пыхтит что-то себе под нос. Но я её не слушаю.

Надо валить. Мне нужен свежий воздух.

– Так мы договорились?

– Д-да, – выдыхает судорожно. – Я схожу к ректору и, – нервно тербит край шёлкового топа, – буду молчать обо всём.

– Окей, забились. Видос я удалю сегодня же. Даже обещаю поработать над личными сохранёнками битыми ссылками. Но сама понимаешь, если у кого-то в закромах останется видео, его уже не достать, интернет помнит всё.

Отворачиваюсь к окну, не в силах больше смотреть на слишком уж сексуальную заучку.

Твою мать, *заучку*! Сексуальную!

Дожил...

– Так это *ты* взломал мой личный электронный код?

Я слышу искреннее удивление в голосе Мышки и оборачиваюсь, но не полностью. Девчонка хлопает длинными ресницами и смотрит таким взглядом, словно только что узнала, откуда берутся дети.

Догадливая...

Хмыкаю:

– В это так сложно поверить?

– Просто... – мнётся, переступая с ноги на ногу. – Ты не похож на того, кто умеет взламывать чужие телефоны и компьютеры.

– И на кого же я похож? – кривлю уголок губ.

Признаться, мне действительно стало интересно, что она ответит.

Девчонка кидает на меня опасливый взгляд, но всё равно отвечает. Правду.

– На хулигана, драчуна и бездельника.

А я даже не обижаюсь. Так и есть.

Но вот загвоздка... Это лишь *некоторые* грани моей личности.

– Внешность бывает обманчива, маленькая храбрая Мышка, ты не знала?

Мишина как-то странно улыбается. Или даже, наверное, ухмыляется, сверля глазами стену напротив.

Тихонько бурчит:

– О, уж я-то знаю... Доводилось...

И почему мне кажется, что это она сейчас обо мне?

– Тогда больше не пялься на меня вот так.

– Как так? – От негодования её грудь начинает ходить ходуном.

– С открытым ртом. Муха залетит, – хмыкаю я.

– Сейчас ночь, какие мухи? – насупливается. – И я не паялилась.

Пожимаю плечами:

– Не муха, так комар. Кровь у тебя, наверняка, сладенькая. Как и кое-что другое, – не удерживаюсь от пошлого намёка.

Ля, на кой хрен я распаляюсь? Жанна сегодня занята. А прочить я не собираюсь...

Надо успокоиться, иначе стояк точно штаны порвёт. Или... я прямо сейчас завалю эту девчонку на кровать и сделаю всё, чтобы она мне дала.

Одно из двух.

Мысль заманчивая. Тем более, ещё ни одна не устояла перед моим обаянием и умением доставлять удовольствие. Некоторые тоже сопротивлялись для вида. Но это было так наигранно, что аж тошнило.

Только вот Мышка – другое дело. Я чувствую, что пугаю её. И ничего больше. Ни симпатии. Ни скрытой демонстрации сексуального желания...

Ни. Че. Го.

Только. Страх.

– Если это всё, что ты хотел, уйди, пожалуйста. Мне нужно отдыхать, – она старается говорить спокойно и ровно, но её тонкий голосок всё равно дрожит.

Мишина как-то болезненно морщится. Глаза сами собой опускаются к её перебинтованной лодыжке. Возбуждение мешает трезво мыслить, но не заметить очевидное невозможно.

Как там говорят? А слона-то я и не приметил?

Кажется, она ногу подвернула на видео. Поэтому рыцарь-Ивашка героически нёс её на руках.

– Болит?

Вопрос тупой. Да и какое мне дело до Мышки и её проблем?

Но забрать его обратно уже нельзя.

– Если продолжишь меня терроризировать, то будет болеть ещё больше, – шипит в ответ и неловко ковыляет до кровати. Усаживается на неё и прожигает меня взглядом. Ждёт, пока свалю. – Так что будь добр... – Она не договаривает, кивая подбородком в сторону окна.

Что ж, Волк, походу, тебя только что послали. Без слов. По красоте.

Удивительно, но злости от этого факта я не испытываю.

– Выздоровливай, – бросаю с ухмылкой.

Но, прежде чем сигануть в окно, ещё раз осматриваю та-тушку девчонки. Невольно сравниваю рисунок с тем, что видел когда-то. Каждую линию, каждую ветку, каждый лепесток. И понимаю, что она один в один, если мне не изменяет память.

Но дело в том, что я плохо помню тот день... Поэтому полагаться на память не стоит.

Я уже слезаю с подоконника, когда мне в спину прилетает раздражённое фыркание:

– И ты тоже. С головой-то поди у тебя не совсем в порядке...

Зубастая Мышка. Палец в рот не клади – откусит. А такой тихоней-молчуньей себя выставляет...

Я пружиню на землю. Чувствую лёгкую боль в ногах, но даже не кривлюсь. Это мелочи, по сравнению с тем, что мне доводилось испытать.

Пока топаю к кампусу, не могу избавиться от навязчивой мысли, что битую ссылку придётся прислать и Мишиной.

Надо нарыть на неё всю доступную информацию. И в первую очередь пробить место её прописки. Убедиться, что мне показалось.

Иначе...

Глава 10

Яна

– Привет!

На соседний стул плюхается рыжая девчонка. Белозубо улыбнувшись, она приветливо машет мне рукой. Её слишком открытое декольте демонстрирует всем грудь третьего, а то и больше, размера. Поэтому неудивительно, что даже я первым делом пялюсь *туда*, и только после – в глаза незнакомки. Синие, как атлантический океан.

– Ты Яна, да? Меня Альва зовут, – представляется однокурсница и тянет руку. Я в ответ молча пожимаю её ладошку и вспоминаю, где уже слышала это необычное имя.

Альва Краховская. Точно. Нина Яковлева, староста курса, жаловалась вчера, что у Альвы плохая успеваемость и много прогулов, несмотря на то, что учёба только началась. Преподаватели постоянно жалуются на Краховскую, из-за чего Нине приходится чаще бегать в деканат и сдавать рапорты.

Правда, отчислить Альву не получится: её отец работает в Министерстве Образования. Даже я это знаю. Поэтому преподавателям остаётся только жаловаться и надеяться, что деканат найдёт на девушку хоть какую-то управу.

– Слышала, ты хорошо учишься, – продолжает щебетать медовым голосом. – Можешь одолжить конспекты по со-

циологии? Пожа-алуйста? – Краховская умоляюще складывает руки на груди и строит мне глазки, часто хлопая длинными чёрными ресницами.

Ну, хотя бы не придётся гадать, что ей нужно от меня.

– Могу. Вот, держи. – Я достаю из сумки тетрадь по социологии и кладу на стол перед ней.

– Спаси-ибо! – верещит рыжая. – Ты меня спасла! А то этот препод, как его... – хмурится и надувает накачанные губы, пытаясь вспомнить его имя.

– Вячеслав Викторович, – подсказываю я.

– Да неважно! – фыркает Альва, отмахиваясь. – Этот старый принципиальный хрыч, – наклоняется ко мне ближе и понижает голос до заговорщического шёпота, – хороший знакомый моего отца. И если он нажалуется папочке, я лишусь части средств, – доверительно сообщает она. – А я не могу жить без СПА! У меня каждый выходной расписан чуть ли не по часам!

Я молчаливо кошусь на Краховскую. Поджимаю губы, дабы не ляпнуть ничего из того, что думаю об этом всём. Но ей, судя по всему, нет никакого дела до моего мнения. Она так и продолжает о чём-то щебетать, не заботясь, слушаю я её или нет.

Странная эта Альва... Болтает со мной так, словно мы давние подруги.

– О, кста! Ты идёшь сегодня на тусу?

– Нет, – отвечаю резче, чем планировала.

Понятия не имею о какой тусе она говорит. И даже если бы знала, ни за что не пошла. Приключений с Волковым мне хватило с головой. На все пять учебных лет вперёд.

– Почему? – вскидывает рыжие брови.

А я впервые позволяю себе прямой взгляд на неё. Откровенно изучающий.

Курносый нос. Миндалевидные глаза, как у лисы. Вьющиеся рыжие волосы до талии. Всё лицо в веснушках, которые ей очень идут. Форма нетипичная, перешитая по нестандартной фигуре-восьмёрке девушки. Белые чулки и юбка намного короче той длины, что прописана в уставе АМО. Тонкие запястья увенчаны золотыми браслетами на обеих руках. Серьги-кольца в ушах, куча цепочек на бледной шее. Кулон одной из них кокетливо лежит в ложбинке её груди и, наверняка, притягивает завистливые взгляды девичьей половины университета.

Краховская очень красивая. И, судя по виду, прекрасно об этом осведомлена. Буквально всё на ней кричит: «Посмотрите на меня».

Неужели она не боится демонстративно выставять свою красоту напоказ? На свете ведь так много завистливых и больных людей. Парни могут сделать с ней что-то нехорошее, решив, что Альва легкодоступная. А девушки – волосы в туалете повыдирать, например. Просто, чтобы убрать конкурентку за мужское внимание.

От такой провокаторши явно нужно держаться подальше.

– Потому что не хочу, – пожимаю плечами, снова утыкаясь в тетрадь.

Английский сам себя не выучит. Да и Дорохов очень суровый препод, который за один единственный пропуск или неготовность ответить может отчислить, поэтому мне просто жизненно необходимо получить у него автомат.

– Ты чего такая нелюдимая? – пихает меня плечом в плечо.

От удивления неприлично таращусь на неё.

Вот привязалась...

– Я – интроверт. Не люблю общение. – Говорю заранее придуманную отмазку. И добавляю уже чисто для рыжей: – И людей тоже.

– Ой, перестань, – фыркает Альва и отмахивается от меня, демонстрируя пальцы с длинными острыми ногтями розового цвета и кричащими кольцами почти на каждом из них. – Человеку нужен человек. И общение, – с важным видом подчёркивает она. – Готова поставить на кон свой абонемент в СПА, что ты волком завоешь от одиночества через пару лет. И пожалеешь, что не веселилась на полную катушку, пока было время. Сейчас идут лучшие годы нашей жизни! Нельзя просто запереться у себя в комнате и отмазываться от всех, что ты якобы интроверт.

Упоминание волка, пусть даже и метафорического, вызывает неприятные мурашки по спине. Я ёжусь и решаю пропустить замечание Краховской мимо ушей.

Но она оказывается очень настойчивой.

Вцепившись в мой локоть крепкой хваткой, Альва притягивает меня к себе и шепчет на ухо:

– Яна, я знаю, почему ты ни с кем не общаешься и никуда не ходишь. Но запереться в своей комнате – не выход. Не советую так делать, иначе эти гиены живьём тебя сожрут уже через полгода. Ты, наверняка, не в курсе, но видос с тобой гуляет по *нашим* чатам, – она выделяет слово «нашим», намекая на разницу в социальном положении. И подтверждает мою догадку, что у мажоров свои отдельные группы. Тематические. – Это только начало. *Наши* приглядываются к тебе. Прощупывают почву: что можно с тобой делать, а что нет. Пока это всё выглядит безобидно, и ты думаешь, что тебя оставят в покое, если будешь молча терпеть насмешки, но ты ошибаешься.

Я начинаю нервничать. Во рту становится сухо, а кончики пальцев леденеют – моя обычная реакция на стресс.

Неужели Волков соврал? Он ведь обещал, что удалит всё. Хотя чего я ждала? Нашла кому верить...

Но с другой стороны все кому не лень уже, наверное, успели посмотреть моё позорное падение. Так что делать поспешные выводы не стоит.

– Не понимаю, о чём ты... – говорю я, но рыжая меня перебивает.

– У тебя дерзкий взгляд. Ты не забитая ботанша, как все считают. Я вижу. Поэтому будет жалко, если *наши* тебя в ито-

ге сожрут, Яночка. Мне уж точно.

Альва строит бровки домиком, смотрит с сожалением, поглаживая меня по предплечью. Я, будучи шокированной внезапным откровением, не сразу нахожу, что ответить. И уж тем более не думаю о том, чтобы сбросить её руку со своей.

– Спасибо за совет, – наконец, произношу что-то внятное. Вот только мыслями всё равно правит хаос.

К такому я точно не была готова.

– А тебе – за конспекты, – Краховская трясёт моей тетрадкой по социологии, дружелюбно улыбаясь. – Верну завтра. – И, поднявшись со стула, уходит, не прощаясь.

Мне остаётся лишь недоумённо смотреть ей вслед.

И что это сейчас было?

Да уж, необычная особа. По Альве так сразу и не скажешь, притворяется она или правда хочет помочь...

Как только я остаюсь одна, сразу же чувствую на себе три пары любопытных глаз: Раиса и Луиза в компании какой-то незнакомой девушки. Она чем-то похожа на меня из-за худощавой фигуры и длинных белых волос. Единственное отличие – я свои выпрямляю, а у незнакомки они выются крупными волнами.

– Чего вылупилась? – грубо бросает мне блондинка, сверкая тёмно-карими глазами.

Я показательно вскидываю брови и отворачиваюсь. Раиса и Луиза мерзко хихикают. Шепчутся о чём-то. Специально громко. Напоказ. И моё уязвлённое самолюбие закипает.

Хочется ответить или как-то огрызнуться, но в аудиторию во главе с Дороховым заходят другие студенты, спасая меня от очередной ошибки.

Я уже один раз открыла рот... И убедилась, что ничем хорошим это не кончается. Лучше и дальше помалкивать. Спокойней жить буду.

Альва неправа, утверждая, что я буду волком выть. Одиночество меня не тяготит. Да и молчание ещё никогда мне не вредило, а только спасало.

Пара пролетает незаметно. Евгений Олегович ставит мне очередную высокую оценку, и на фоне этого я забываю неприятный инцидент с беловолосой незнакомкой и двумя змеями. Но уходить из аудитории после звонка я не тороплюсь. Жду, пока мегеры выползут первыми, чтобы не нарваться.

Когда в помещении остаются двое опоздунгов во главе с отчитывающим их преподавателем, я вешаю сумку на плечо и выхожу в коридор. И снова едва не сталкиваюсь с Брежневым.

– Ох... – с трудом успеваю затормозить в последний момент.

– Привет! – расплывается в улыбке парень. – Опять я чуть не стал причиной твоего падения. Полюса у нас разные, что ли, что мы притягиваемся постоянно? – подмигивает.

Я шутку не оцениваю. Смотрю по сторонам, отбиваясь от неприятного ощущения дежавю. Сердце грохочет, как

ненормальное, и я прикладываю руку к груди, чтобы хоть как-то его унять.

– Напугал, – выдыхаю с облегчением, убедившись, что никому до нас нет дела. И немного успокаиваюсь.

– Прости, вечно я не вовремя, – неловко трёт затылок уже знакомым мне жестом. – Могу я загладить вину? Хочу пригласить тебя после пар кое-куда.

– Я не хожу на свидания, – отрезаю бескомпромиссно, не дав себе ни секунды на размышления.

Никаких отношений, Яна! Тем более с мажором! Учёба и точка!

– Почему так категорично? – хмурится Ваня. – Я тебе не нравлюсь? – спрашивает прямо.

Я тушуюсь от его внезапной напористости и откровенной прямоты.

– Не в этом дело, – отвожу глаза. – Просто для меня учёба на первом месте, а сегодня много домашки.

– Давай тогда завтра? – не теряет надежды.

– Завтра я буду делать доклад по международной политике.

– Ой, да брось! Никуда твоя международная политика не денется, – хмурится Брежин. – Я, между прочим, не случайно тут бродил. Искал тебя, чтобы загладить вину за вчерашнее. Вот, держи. – Парень протягивает мне небольшую коробочку с милым бантом.

А я снова теряюсь.

– Извини, но я не могу это принять, – прячу руки за спиной.

– Яна, не будь такой жестокой. Тем более, я виноват в твоём падении. Сейчас вон опять чуть не сбил тебя с ног! Кстати, как твоя нога? – наклоняет голову, чтобы лучше рассмотреть мою ногу. Но сегодня я надела брюки, поэтому его попытка заканчивается провалом.

– Всё хорошо. Хожу, как видишь, – развожу руки в стороны, решая «помочь» растерянному Брежину. – И сделай одолжение, прекрати меня преследовать, пожалуйста. А коробочку вручи кому-нибудь другому, – мягко отталкиваю её от себя.

– Это просто попытка извиниться, – настаивает Ваня. – Просто небольшой презент. Без подводных камней и намёков. Возьми, прошу тебя. Иначе обижусь, – быстро добавляет он, хмыкнув.

Я снова оглядываюсь вокруг. Убеждаюсь, что за нами никто не наблюдает и, главное, не снимает. И со вздохом соглашаюсь:

– Хорошо. Извинения принимаются. Но это первый и последний раз, – кидаю на него предупреждающий взгляд исподлобья.

Взяв коробочку, слышу, как внутри неё что-то грохочет, и настораживаюсь ещё больше.

Вдруг это дурацкий мальчишеский розыгрыш? Открою её, и оттуда мука вылетит. Или ещё что похуже... А камеры

тут как тут.

– Да не смотри ты так, это не мини-бомбочки, – смеётся Брежин, заметив, с какой подозрительностью я изучаю его *презент*. – Да расслабься ты, – панибратски треплет меня по плечу. – Так что насчёт вечера? Может, подумаешь? Давай обменяемся номерами, ответишь позже.

Пока я пытаюсь уловить ход его мыслей, он уже успевает достать телефон из рюкзака. Приходится его резко оборвать.

– Так, стоп! – выставляю ладони перед собой. – Не так быстро.

– Ладно, не буду давить. Сам найду тебя в соцсетях. Вечером напишу. Надеюсь, согласишься, – посылает мне очередную лучезарную улыбку. – До встречи, Яна, – говорит он и, помахав на прощание, скрывается у меня за спиной.

Я остаюсь стоять посреди коридора, словно пыльным мешком прибитая. Вцепившись пальцами в коробочку, если не ошибаюсь, с конфетами, недоумённо хлопаю ресницами, изучая причудливый синий бант с золотистыми блёстками и звёздочками на нём.

Какой странный сегодня день...

Зудящее чувство между лопатками заставляет меня обернуться.

Подумала это Брежин ждёт, пока я помашу ему в ответ... Но жестоко ошиблась, ведь прожигать взглядом спину умеет только один человек в академии.

И это не Ваня.

Столкнувшись с острым, как бритва, взглядом нефритовых глаз, вздрагиваю. И, развернувшись на каблуках, со всех ног несусь в противоположную сторону, чувствуя себя маленькой девочкой, заблудившейся в лесу, полном жутких монстров.

А если быть точнее, Красной Шапочкой, которую один небезызвестный Волк обязательно сожрёт в конце этой мрачной сказки.

Глава 11

Яна

Всю дорогу до загадочного клуба, мы с Ваней едем практически в полном молчании. Я кусаю губы, сжимая в руках бежевый лакированный клатч. Пытаюсь рассмотреть хоть что-то в тёмном пейзаже, мелькающем за окном. И не могу прекратить размышлять, почему же всё-таки согласилась на эту авантюру.

Ваня был слишком настойчив и убедителен? Или же это слова Альвы на меня так повлияли? Недаром же в книгах по психологии говорится, что подсознание человека – очень интересная штука. Достаточно посадить в него правильное зёрнышко, и оно обязательно прорастёт. Со временем.

Вот только моё зёрнышко проросло быстрее, чем я думала. Даже слишком.

– Яна, ты точно уверена, что всё в порядке? Если не хочешь идти со мной, просто скажи, и я отвезу тебя обратно в академию, – мягко произносит Брежин, глядя на меня с тревогой в карих глазах.

Ощувив себя параноиком, тушуюсь.

Надо взять себя в руки. Все эмоции наружу... Даже Ваня уже вон читает меня, как открытую книгу.

– Я в порядке. Правда, – добавляю, заметив, что он соби-

рается возразить. – Просто немного волнуюсь. Никогда раньше не была в клубах, – улыбаюсь в ответ.

Но улыбка эта, наверняка, выходит тревожной и неуверенной.

– Серьёзно? – вскидывает брови, демонстрируя неподдельное удивление. – Тогда это многое объясняет. Я уж было подумал, дело во мне. – Он неопределённо ведёт плечами. – Страшным кажусь или маньяком каким, – из его рта вырывается нервный смешок.

Мне становится неуютно от самой себя. Адекватный, хороший парень (если судить по его поведению и социальным сетям), а я веду себя так, будто со мной на заднем сиденье едет Максим Волков.

Похоже, этому придурку всё-таки удалось оставить о себе *незабываемое* впечатление.

– Если бы я так считала, то никуда бы с тобой не пошла, – решаю быть честной.

На этом наш неуютный диалог заканчивается. А спустя пять минут такси останавливается в трёхстах метрах от яркой неоновой вывески. Мигая сине-фиолетовыми вспышками, она освещает ряженую толпу, тянущуюся от самого входа почти до дверей нашей машины.

Ваня выходит первым. Открывает дверцу и подаёт мне руку. Я вкладываю свою ладонь, принимая помощь, и выхожу из такси. Ёжусь от ночной прохлады.

Всё-таки нужно было надеть другое платье...

Брежин оказывается очень внимательным парнем. Заметив мою гусиную кожу, произносит заботливым тоном:

– Не переживай, внутри тепло. Но если сильно замёрзла...
– приглашающе раскрывает свои объятия.

Мой спутник одет в белую рубашку с длинными рукавами, заправленную в идеально выглаженные тёмно-синие брюки со стрелками. Пиджака на нём нет, поэтому, кроме своих объятий, ему, как джентльмену, предложить мне больше нечего.

Я отрицательно машу головой.

– Спасибо, обойдусь, – с улыбкой.

– Ну, как знаешь, – подмигивает мне. – Если что, я к твоим услугам.

Его слова почему-то успокаивают. К тому времени, как мы подходим к толпе и занимаем очередь, моё неуютное состояние окончательно испаряется.

Стоим недолго. Толпа перед нами стремительно рассасывается, так что замёрзнуть я не успеваю. Что примечательно, у входа нет никакой охраны: все заходят по специальному QR-коду*-приглашению. Когда очередь доходит до нас, Брежин тоже сканирует код, что-то тапает в своём смартфоне и перед нами, словно по волшебству, открываются турникеты.

Мы заходим внутрь. Громкие биты танцевальной музыки оглушают моментально. Будучи непривычной к такой громкости, я морщусь. Ваня кричит мне что-то успокаивающее, судя по выражению лица, и я киваю.

Надеюсь, что впаду...

После узкого тёмного коридора, освещаемого только красной подсветкой, мы попадаем в самую гущу танцевальной площадки. Брежин, не спрашивая, берёт меня за руку и уверенно ведёт сквозь толпу. А через несколько минут музыка полностью пропадает, и мы оказываемся в изолированном помещении с приглушённым светом.

Я осматриваюсь. Комната очень большая, и людей в ней тоже прилично. Напротив дверей стоит длинный стол с чёрным кожаным диваном вдоль стены, за которым сидят знакомые и незнакомые мне лица. Они громко смеются, пьют, курят сигареты и кальян. Одна половина играет в карты за столом, другая развлекает себя тем, что играет в бутылочку на раздевание прямо на полу посреди, я так понимаю, VIP-комнаты. Они сидят на подушках, стащенных с диванчиков, и оголяются, никого не стесняясь.

Наше появление остаётся незамеченным. Студентам элитной академии нет дела до «новичков», они слишком увлечены происходящим. Ну, или слишком пьяны, судя по покрасневшимся лицам и полуголым телам.

Я замираю у дверей. Деревенею, словно оловянный солдатик, чувствуя, что не могу сдвинуться с места. По оголённым нервам вдруг с чёткой ясностью проносится тот факт, что социальные сети Брежина – всего лишь красивая картинка. То, куда он меня привёл, явное тому подтверждение.

Это не просто клуб...

Это та самая «туса», о которой утром мне говорила Альва, – доходит до меня.

Я уже собираюсь заявить своему спутнику, что лучше поеду в академию, но к нам подскакивает какой-то незнакомый мне парень.

– Ваню! Вот так сюрприз! Я думал, ты опять нас прока-
тишь, придумав очередную нелепую отмазку. – Он по-свой-
ски кладёт руку Брежину на плечи и радостно встряхивает
его.

– Разве я мог пропустить твою днюху, брат? – Скалится
Ваня и крепко обнимает друга в ответ, похлопывая его по
спине.

Ощущение дискомфорта одолевает меня вновь. Я мнусь
за спиной Брежина, двумя руками сжимая лямку клатча и не
зная, куда себя деть. И тут незнакомый русоволосый парень
замечает меня.

– Ого! Ты ещё и не один! Представишь свою спутницу?

– Кир, это Яна, – разворачивается ко мне, поочерёдно ука-
зывая на меня и на своего друга. – Яна, это Кирилл. Мой
лучший друг. Мы с ним знакомы с детства. Вместе играем в
футбол и дружим семьями.

– Очень приятно, – выдавливаю из себя улыбку. – С днём
рождения... – неловко поздравляю улыбчивого именинника
и пожимаю его протянутую руку.

Мне вдруг становится очень стыдно за свои мысли. Сто-
ило увидеть поверхностную картинку, как я тут же заподо-

зрила Ваню во всех смертных грехах. Его лучший друг имеет право справлять свой день рождения, как хочет. Да и среди богатой молодёжи такие... *развлечения* сплошь и рядом. «Вписки» – кажется, так это называется. Единственное отличие в том, что Кирилл выбрал для своего праздника не квартиру, а ВИП-ку в одном из элитных клубов.

А ещё он обмолвился, что Ваня пропускает такого рода тусовки, и в этот раз согласился только из-за того, что у лучшего друга день рождения...

Да уж, Яна, тебе бы не помешало чуть больше доверять людям и прекратить параноить.

– Сразу видно, скромница, как и ты, – произносит Кирилл, осматривая меня с ног до головы насмешливым взглядом. И, красноречиво оглянувшись себе за спину, добавляет: – Не нужно было её сюда приводить. Особенно, если это ваше первое свидание.

Брежин смущённо трёт затылок и виновато смотрит на меня из-под светлой чёлки, упавшей ему на лоб. Лучший друг моего спутника, видя реакцию последнего, поражённо вскидывает брови.

– Погоди, сириэсли? – Жест рука-лицо не заставляет себя ждать. – Даже и не знаю, что сказать, кроме того, что ты совсем не умеешь ухаживать за девушками, брат, – качает головой, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Их цвет я не могу рассмотреть из-за тусклого освещения.

Ваня отходит от друга и берёт меня за руку, хмурясь. От

того радостного выражения, с которым он обнимался с Кириллом, не остаётся и следа.

– Яна, прости, я... не подумал, – кадык на его шее дёргается. – Просто ты мне понравилась. Я хотел сходить с тобой куда-нибудь, как можно раньше, а тут дняха близкого мне человека и...

– Не оправдывайся, всё нормально, – с трудом удерживаюсь от того, чтобы не вырвать свою руку из его ладони.

Не люблю, когда меня трогают без разрешения...

– Я идиот, – вздыхает, наконец, заметив, *как* я смотрю на то, что происходит за его спиной.

А там уже чуть ли не оргия начинается. Для меня уж точно. Какая-то полуголая девица, играющая в бутылочку, садится на одного из парней в кругу и начинает имитировать половой акт, скача на нём и неприлично постанывая.

Я с ужасом отвожу глаза, набирая полные лёгкие воздуха. Боже...

Кислород... Мне нужен кислород.

Или целый бокал алкоголя. Залпом.

Я, конечно, не ханжа, но какой же это кринж! Как она потом всем этим людям в глаза смотрит?

– Ладно, ребят, вы тут болтайте пока, а я вас за столом подожду, окей? – понимающе ретируется Кирилл, усмехаясь.

– Пойдём, я отвезу тебя домой, – говорит Брежин, утягивая меня к дверям.

Я же, ощущая себя той, кто вот-вот испортит Ване вечер,

который он должен был весело отметить с лучшим другом, решаю остаться. Пусть из вежливости, но уж пару часиков я выдержу. Посижу, поем. Для разнообразия погляжу на то, как развлекается золотая молодёжь, а потом поеду в кампус.

Брежин не виноват, что Альва посеяла во мне зерно сомнения. Я действительно распереживалась, что упускаю лучшие годы своей жизни, сидя за учебниками, но сегодня убедилась окончательно – ничего я не упускаю. Меня не привлекает подобный вид «досуга». Вот вообще. Лучше грызть гранит науки, чем напиваться и скакать полуголой на незнакомом парне.

– Не нужно, я останусь, – накрываю руку Вани своей и мягко высвобождаю вторую, которую он держал. – Тут... неплохо, – вру и не краснею.

– Ага, я вижу, – мрачнеет парень.

Но я уже уверенной походкой обхожу круг играющих в бутылочку, выбрав из двух зол меньшее – стол с играющими в покер. Тут хотя бы есть еда и напитки. Правда, прежде чем что-то пить здесь, для начала я проверю это на Ване.

Кирилл, внимательно следящий за мной и Брежиным, расплывается в улыбке, когда видит, что я подхожу к столу.

– Рад, что ты решила остаться, – громко говорит он и, приставив руку ко рту, добавляет тише: – Чувство вины бы его сожрало. Но ты не обижайся, он не специально. Ване сам не знал, что будет на мероприятии. Он у нас мальчик домашний, – глумливо ухмыляется парень. – Если приглядишься

внимательнее, он тоже чувствует себя не в своей тарелке. Но знаешь, иногда стоит выйти из зоны комфорта, – доверительно сообщает Кирилл, обращаясь уже не ко мне, а к лучшему другу.

– Не согласна. Из зоны комфорта стоит выходить, когда того требуют обстоятельства. В остальных случаях это бессмысленная трата жизненных ресурсов.

– Это каких же? – заинтересованно выгибает бровь именинник.

– Вместо того чтобы почитать книжку, лёжа в кровати, приходится одеваться, ехать к чёрту на куличики, смотреть на незнакомых людей, вытворяющих неприятные тебе вещи, – загибаю пальцы, пропуская Ваню, сажающегося на свободное место рядом с другом, – улыбаться людям, которых ты раньше в глаза не видела, делать вид, что тебе весело... Ну, и так далее.

Кирилл довольно присвистывает.

– Впечатляет! А тебе палец в рот не клади, да? – смеётся именинник и пихает друга локтём. – Она классная. Одобряю. Тебе точно подходит. Две душилы, – и ржёт, как конь, вместе с парнем, сидящим по другую сторону от него.

Брежин выжидающе и напряжённо смотрит на меня снизу вверх. Ждёт, что я присоединюсь. Или развернусь и уйду. Это явно читается в его карих глазах. Он словно готов к такому повороту. Но я только ободряюще улыбаюсь Ване и занимаю место на диване рядом с ним.

– Привет, Янчик! Всё же решила выбраться из своей клетки? – раздаётся знакомый тонкий голосок. – А говорила, что не пойдёшь на тусу, обманщица, – фыркает девушка, мило морща нос.

– Привет, – бормочу я Краховской, неуютно поёрзав на скрипучей коже. На вопросы не отвечаю, решив, что они были риторическими.

– Лучше садись сюда, поболтаем, – хлопает по месту рядом с собой. – Пусть мальчики пока выпьют. Расслабятся, – хитро сверкает лисьими глазами.

– Мне и тут неплохо, – тяну я, напрягшись, потому что парнем, который ржал, как конь, с Кириллом, и который собственнически обнимает Альву за талию прямо сейчас, оказывается тот, кого я часто вижу в компании Волкова.

Александр Чернов. Или Лекс, как его все называют.

И его присутствие здесь – очень, очень плохая новость.

**QR-код (от английского Quick Response, «быстрый отклик») — это двумерный тип штрих-кода, который легко считывается цифровым устройством и хранит информацию в виде серии пикселей в квадратной сетке. Внешне выглядит как черно-белый узор.*

Глава 12

Макс

– Да еду я, еду. В пробке застрял, – отчитываюсь перед Лексом, глядя на девятибалльный красный затор на навигационной карте.

– Ты так всё веселье пропустишь, – тянет ехидно.

– Это какое? Бутылочку? Или покер? Днюха Кира обычно не блещет оригинальностью, – раздражённо барабаню пальцами по рулю и решаю нарушить ПДД, объехав пробку по встречке. По понятным причинам возмущённые водилы мой движ не оценивают. Но на каждый сигнал и мат сквозь открытое окно они получают мой фак.

– Да нет... – Друг загадочно цокает и затыкается. Я жду, стараясь не отвлекаться от дороги, но продолжения не следует.

– Ну? Мне из тебя всё клещами вытягивать?

– Тут такое дело... Ты не поверишь, *кто* явился на днюху Кира.

– Гонишь? – настроение моментально падает до отметки «минус вайб». – Что эта стерва там забыла?

– Да не твоя букетная Жанка, Макс. Они с Киром не в ладах, её точно не будет.

Уф. Даже дышать стало легче.

– А кто тогда?

– Сюрприз-сюрприз! Топи, Волк, а то, чую, золушка вот-вот сбежит и даже туфлю не оставит, – ржёт Лекс и отключается.

Говнюк!

Делаю звук на максимум. Басы фонка почти оглушают, но благодаря этому я не думаю ни о чём, несясь по ночной трассе за город. До клуба добираюсь за полчаса. И за эти же полчаса собираю столько штрафов, сколько обычно прилетает за месяц.

Припарковав тачку, топаю к турникетам. Лекс курит на улице – ждал зачем-то. Увидев меня, он зазывающе крутит лапой. Я меняю траекторию, но морщусь, потому что рыжая девка теперь практически везде с Черновым. Вот и сейчас Альва прилипла к нему и трётся, словно кошка.

– Мы с Тамарой ходим парой? – бросаю вместо приветствия и хлопаю по протянутой ладони друга.

– Будешь? – предлагает сигарету.

Я отказываюсь и отхожу на два шага назад, чтобы одежда не провонялась сигаретным дымом.

– Мне уйти? – Альва правильно оценивает моё настроение относительно неё и поднимает на Лекса большие и невинные глаза.

– Детка, ты чего? Останься. Волк не против твоего присутствия, *правда же?* – делает нажим на последние два слова и смотрит на меня исподлобья.

Но если эта лиса сдарила яйца моему лучшему другу, то я тут не причём.

– Кривда, – сую руки в передние карманы джинс.

– Макс? – вопросительно вздёргивает бровь, выпуская дым из лёгких.

– Конечно, я не против, – копирую тон Альвы, растягивая гласные елейным голоском. – Но был бы признателен, если бы твоя *детка* подождала внутри. – Давлю неприятную лыбу и хлопаю глазами для убедительности. Чтобы каждый из этих двоих понял: сегодня моё настроение – токсик.

Лекс тушит сигарету о металлическую крышку мусорного бака и поднимает извиняющийся взгляд на рыжую.

– Аль, сделай одолжение, поиграй с Мышкой, пока мы с Волком побазарим.

Он смачно целует её в губы, на корню пресекая всякую возможность возмутиться. А по лицу Альвы можно сказать, что она точно хотела это сделать. Но обмен слюнями решает этот вопросик, и вот рыжая снова блаженно улыбается.

– Жду тебя. – Альва чмокает Лекса в губы и, наконец, скрывается в здании.

– Я не ослышался? Или это такая своеобразная метафора? – уточняю насчёт «Мышки».

– Ты не ослышался. Она там. – Удивиться я не успеваю. Бросив настороженный взгляд в мою сторону, друг добавляет: – Но не одна.

– Не понял?

– Она пришла на днюху с Ванечкой. Лучшим другом Кира. Тем самым рыцарем в сияющих доспехах, – ехидно лыбится Лекс. – Ты же говорил, что у тебя всё под контролем? Или я чего-то не знаю?

Фак...

Запускаю руку в волосы и с силой провожу по черепушке.

– Я облажался в тот раз. Твой план пошёл по одному месту, как только я увидел её голые ноги, – честно сознаюсь в факате.

– И что ты ей сказал? – вздыхает обречённо.

– Я с ней не разговаривал, я... угрожал.

– Чудесно! – Лекс всплёскивает руками, не скрывая злости. – А я ещё сидел и голову ломал, почему же наша заучка вот-вот даст хорошему мальчику, а не тебе! А нужно было всего лишь предположить очевидное – Волк себе не изменяет!

– Я пытался.

– Херово пытался, Макс. Мышка там, в клубе. Вместе с Ванечкой. – Тычет пальцем на мигающую вывеску. – Ты понимаешь, что это значит? Нет? А я скажу тебе, что это значит: наша заучка не такая уж и недотрога, как оказалось! И прямо сейчас ты в жопе. В заднице, Макс! О нашем споре знает чуть ли не вся академия! Да на тебя больше половины кампуса поставило! Хотя бы теперь ты понимаешь, чем это тебе грозит?

О, уж я понимаю... Весь мой авторитет, который я зара-

батывал годами, полетит к хуям.

Но бля! Я не могу подлизывать кому-то зад!

– Ну, сорян, что я не умею, как ты, без мыла в жопу залезть, – всплёскиваю руками.

– Это ты на что сейчас намекаешь? – сужает глаза, глядя на меня с неприкрытой угрозой. – Если ты об Альве...

– О ней самой, – сплёвываю на землю. – Пока ты трахаешь рыжую и суешь язык ей в рот, кайфуя, она не только венерическим букетом тебя награждает, но и сливает инфу о наших небольших увлечениях Гнилому.

– С чего ты взял, что это она?

– С того, что эта шлюха трахается не только с тобой! Больше никому, сечёшь?

– Завались, Макс, или нашей дружбе конец. Она бы не стала. Да Альва знать его не знает, я уверен!

Друг расходится не на шутку. В воздухе пахнет жареным. Но у меня есть железобетонный аргумент.

– Тогда откуда мой отец узнал о драке с Ильбирсовым? Там были только мы втроём, Лекс: ты, я и Альберт...

– На что ты намекаешь?

– Я не намекаю, а говорю прямо, – понижаю голос.

– Хочешь сказать, я – балабол? – пихает меня в плечо.

В глазах Чернова – агр и желание вмазать мне. Я подхватываю эту первобытную волну, готовясь к замесу. Но друг быстро гасит порыв, отступая на шаг назад.

В отличие от меня с самоконтролем у Лекса всё окей.

– Знаешь что, Макс? – чеканит до блевоты спокойным тоном. – Ты достал со своими заёбами и недоверием. Разбейся в своих проблемах сам. Я в этом больше не участвую, понятно?

Резко развернувшись, Лекс уходит в сторону клуба. Я провожаю его взглядом. Стою на месте, словно приклеенный, испытывая тошнотворное чувство сожаления.

Перед тем как зайти внутрь, друг всё же оборачивается. Смотрит на меня с мрачным ехидством.

– Когда просрёшь спор, жду тачку в своём личном гараже. И уже без всяких «верну обратно». Помощи тоже больше не жди, – тычет в меня пальцем, – теперь это только твоя проблема, Волк. Надеюсь, эта ситуация научит тебя больше никогда не засирать тех, кто прикрывал тебе спину, когда ты был в полной заднице.

– Ну и вали, предатель, – рычу себе под нос от обиды и злости. Пинаю мусорный бак и, постояв ещё какое-то время на улице, тоже плетусь в клуб.

Вся эта ситуация с Мышью, отцом, а затем и грёбанной татушкой сакуры чуть не довела меня до психоза. Я перерыл всё, что только смог, но не нашёл никакой связи между той девушкой, что спасла меня год назад, и Мишиной.

Кроме. Сраной. Татуировки.

Ещё и траблы с Гнилым подъехали. Он так и не простил мне тот случай. Следит до сих пор. Ждёт, когда я конкретно зафакаплюсь.

Ля. Если наш конфликт дойдёт до отца... Он точно запрет меня в своей башне, как какую-то сказочную царевну. Не говоря уже о том, *как именно* этот садист решит меня наказать.

Фак! Фак! Фак!

Долбящая музыка становится спасением. Она глушит мрачные мысли и безрадужные перспективы, пляшущие перед глазами. Освобождает. Правда, ненадолго. Стоит зайти в ВИП-ку и увидеть Мышку, мило улыбающуюся блондинистому чмырю, как меня снова начинает корёжить.

Я не могу проиграть этому лошку!

План Лекса бы точно сработал... Если бы я не был тем, кем являюсь.

«*Что заложено хреном и впитано с молоком матери – топором не вырубить*», – отец с самого детства орал мне эту «истину», когда я в очередной раз пытался сбежать или творил дичь ему назло.

Что ж... Хотя в чём-то этот жирный ублюдок оказался прав.

В привате всё как обычно: бутылочка и покер. С Киром мы хорошо общаемся, но назвать нас друзьями сложно. Так, тусим вместе. Но, увидев меня, он поднимается из-за стола, и встречает, как почётного гостя.

– С днюхой, старик, – поздравляю Кира, выдавливая лыбу.

– Волк! Рад тебя видеть! – Мы пожимаем ладони и хлопаем друг друга по плечам. – Тебе как всегда? Виски?

– Не откажусь, – цежу сквозь зубы.

Мы подходим к столу. Кир берёт бутылку двадцатилетнего вискаря и наливает мне полбокала. А я не могу прекратить наблюдать за Мышкой. От неё глаз не оторвать.

Зараза сегодня слишком красивая. До отвала башки. Её белые волосы закручены спиралями. На лице – нежный, практически незаметный макияж, но губы сочного розового цвета. Золотистое платье девчонки облегает фигуру, не оставляя простора воображению, и поблёскивает в тусклом свете настенных ламп. Тонкие бретельки притягивают взгляд к острым ключицам и... к веточке сакуры.

– Старик, ты чего залип на Яну? – Кир пихает меня в плечо, протягивая вискарь.

– Не видел её раньше на наших сборищах. Выглядит, как лань, окружённая стаей гиен, – опрокидываю в себя обжигающую жидкость.

Кирилл ухмыляется, но его улыбка холодная, как лезвие бритвы.

– Это девушка моего лучшего друга, так что держи свои волчьи лапы при себе, – слышу предупреждение в его ответе.

– Без обид, но я буду делать то, что хочу, – возвращаю пустой бокал, впечатывая его в грудак Кира. – Как и всегда. А если твой лучший друг не может постоять за себя и отгородить свою спутницу от конкурентов – это его проблемы.

– Макс, – кладёт руку мне на плечо, останавливая. – Только давай без драк.

– Ничего не могу обещать. Как карта ляжет, – оскалива-

юсь я, сбрасывая его лапу.

Но Кир зря напрягся. Сейчас меня интересуют не драки, а кое-что другое – реакция Мишиной на моё появление.

Сбежит в спешке? Или сделает вид, что всё в порядке?

Подойдя к столу, я привлекаю к себе внимание Мышки и всех остальных тем, что наугад беру карты, и с ноги вливаюсь в игру.

– Фулл-хаус* господа! – бросаю картонки веером на середину стола и упираюсь в него ладонями, оглядывая каждого из присутствующих ироничным взглядом. Но останавливаюсь точно на заучке, наслаждаясь неприкрытым испугом в серых глазах. – На что играем?

**Фулл-хаус — комбинация в покере, состоящая из трех карт одного номинала и двух карт другого номинала.*

Глава 13

Яна

– На что играем?

Я съёживаюсь под пронзительным взглядом нефритовых глаз Волка. Сердце стучит так быстро, что не хватает воздуха. Я хочу подорваться и бежать, но меня прижали со всех сторон: Кир и Ваня – справа, Лекс и Альва – слева.

Чёрт! Надо было уезжать, когда Брежин предлагал! Или хотя бы в тот момент, когда я узнала Чернова... Но глупое любопытство, которое сгубило кошку (а теперь и меня, похоже), уговорило остаться.

Ставя на то, что Максим не приедет на вечеринку, или приедет, но когда меня уже не будет, я забыла, что мне по жизни не везёт...

Поэтому и в покер я не играю, а просто смотрю со стороны.

Зато Волк! Вытянул пять карт наугад – и сразу какой-то фулл хаус! И, если судить по округлившимся глазам присутствующих, – это что-то крутое.

– На бабло, как всегда, – отвечает Волку Кир, подошедший к столу. – Но мы можем изменить правила. Как насчёт... желаний? – оскаливается именинник, похлопывая Макса по плечу.

В глазах Волка разгорается азартный огонёк. Но кто-то из игроков тут же принимается возмущаться:

– Я с ним играть не буду! Волку всегда везёт!

– Тогда я тоже пас, – Чернов кладёт карты рубашкой вверх и слишком демонстративно обнимает Альву за талию, притягивая её к своему боку. – Хотите играть на желания – бутылочка к вашим услугам. Развлекайтесь! А покер оставьте серьёзным людям, иначе я выхожу. И моя ставка тоже, – с нажимом произносит он.

Сидящие за столом единогласно тянут «у-у-у». Кто-то высказывает своё несогласие с решением Чернова, другие – категорически против того, чтобы Макс присоединился. И какое-то время все спорят друг с другом.

Кроме нас с Волком.

Мы сцепились взглядами, не обращая ни на кого внимания. Словно в этой комнате мы вдвоём и никого больше. От тяжёлого взгляда мажора все внутренности скручиваются в узел. Я ёрзаю на диване, мечтая только об одном – сбежать. Но не от Волка, а от самой себя. Потому что ничего не могу с собой поделать. И изменить свою реакцию на него – тоже.

А реагировать есть на что.

Словно природного обаяния и хищной красоты мало, Макс вырядился на вечеринку. Я, можно сказать, впервые вижу его не в образе шантрапы.

Таким он со сто процентной вероятностью будет сниться мне ночами в эротических снах...

Всегда хаотичный беспорядок сейчас уложен волосок к волоску и зачёсан назад. Но парочка прядей всё равно выбивается из основной массы и падает ему на лоб, не позволяя никому забыть о бунтарском характере мажора. Идеальный торс облегает чёрная рубашка, заправленная в брюки с широким ремнём. Но и тут закатанные до локтя рукава снова кричат мне: *«Не забывай, кто он! Не дай себя обмануть!»*.

Мой взгляд спускается по мощной шее с выступающими на ней сухожилиями к двум пуговицам, небрежно расстёгнутым на груди, и я сглатываю. В горле пересыхает толи от волнения, толи от возбуждения. Я пытаюсь заставить себя отвести глаза, но всё тщетно. Они будто прилипли к этому падшему ангелу.

Придурку! – напоминаю себе.

Вот только лаву внизу живота не обманешь. Она – ещё одно доказательство того, что мне нужно держаться от Волкова подальше. Я для него – лишь спор. И он пойдёт по головам, а по моей ещё и потопчется, чтобы достичь своей цели.

– Яна? Всё хорошо? – Брежин обеспокоенно накрывает мою руку, лежащую на бедре, своей ладонью. Легонько сжимает её, возвращая меня в реальность.

Я с благодарностью смотрю на Ваню.

– Нет, тут слишком душно. Давай выйдем на улицу? Хочу подышать свежим воздухом.

– Конечно, пойдём, – кивает парень и поднимается с места, прося остальных нас выпустить.

Я встаю следом, ощущая на себе жгучий взгляд Волка. Он буквально грызёт меня, вынуждая ускориться. Кажется, я наступаю кому-то на ногу, и меня обливают шипением впере-мешку с нецензурной бранью. Я извиняюсь на автомате, спеша следом за Брежиным. Но всё же, перед тем как выйти из ВИП-ки, оборачиваюсь, не в силах противостоять искушению.

И моментально сталкиваюсь с дикими волчьими глазами среди толпы.

Взгляд Макса мрачный и не обещающий ничего хорошего. На его скулах играют желваки, руки скрещены и напряжены так сильно, что на них бугрятся вены. Вся поза этого придурка кричит мне вслед ненавистным басовитым голо-сом: *«Далеко не убежишь, Мышка»*.

И я ни на секунду не сомневаюсь – он сделает всё, буквально всё, чтобы я попала в его сети.

Не придумав ничего лучше, хватаю Брежина за руку, инстинктивно ища у него защиты. Если парень и удивился, то никак этого не показывает. Он молча выводит меня из комнаты и плотно закрывает за нами дверь.

Как только между мной и Волком возникает хоть какая-то преграда, мне моментально становится легче. Даже дыхание выравнивается. Но полностью расслабиться не удаётся. Я вся напряжена, будто оголённый нерв или струна, которая вот-вот лопнет.

Ваня вновь возвращает меня в реальность. Проводит

большим пальцем по тыльной стороне ладони и, наклонившись к моему уху, пытается перекричать долбящую музыку:

– Выход в той стороне, – указывает на пляшущую толпу.

Я морщусь, вдруг осознав, что мне придётся протискиваться сквозь всех этих потных людей, чтобы добраться до улицы, а потом проделать то же самое на обратном пути.

Это кажется мне плохой идеей.

Если уж и совершать подвиг, то с концами. То есть, сразу поехав в кампус.

– А где здесь дамская комната? – кричу в ответ.

Вместо лишней болтовни, Ваня уже привычным жестом обхватывает мою ладонь и ведёт по тусклым коридорам. А через пару минут он останавливается у дверей со значком женского туалета. Кивает на него, с неохотой выпуская мою руку.

– Я быстро, – говорю Брежину, и скрываюсь за дверью.

То, что музыка, наконец, перестаёт долбить по ушам, ощущается, как подарок свыше. Я поправляю задравшееся платье и топаю к ближайшей раковине, на ходу оглядывая помещение.

Приглушённый свет. Настоящий чёрный мрамор на стенах и вокруг прямоугольных раковин. Потолок, похожий на рябь воды. Большие овальные зеркала с подсветкой. И идеальнейшая чистота.

Такое чувство, будто я попала в уборную комнату дорожного особняка, а не клуба.

У дальней стены хихикают две девчонки. Одна из них подкрашивает губы, а вторая ей что-то рассказывает, активно жестикулируя. Но, завидев меня, они замолкают, быстро моют руки и также быстро уходят.

Каким-то чудом, я остаюсь одна.

Включаю холодную воду и плещу себе на лицо. Благо от макияжа там одно название: немного водостойкой туши, тоналка и матовая помада, которая уже стёрлась, потому что я не теряла времени даром, поедая халявные канапешки.

Освежившись ещё раз и поправив макияж, смотрю на себя в зеркало. Из отражения на меня смотрит перепуганная блондинка с большими серыми глазами.

Но лихорадочный блеск в них мне совсем, совсем не нравится!

Почему я до сих пор не уехала? Хотела побыть на дне рождения Кирилла ради Вани? Из-за банальной вежливости? Жажды приключений на свою пятую точку?

Или я подсознательно ждала Волка, когда увидела Чернова? Осталась, потому что *хотела* увидеть его?

Что я творю? Боже...

– Хватит гадать, уезжай сейчас же! Плевать на причины! – шепчу себе строго. И замираю: за дверью раздаётся отборная ругань и возня.

Сердце заходится бешеным ритмом.

Волк! Я узнаю этот голос из тысячи.

– Свали, сказал! – рычит Макс, когда я подхожу ближе к

двери, облизывая вмиг пересохшие губы.

О, нет...

Нет-нет-нет...

Он загнал меня в угол!

Ладошки холодеют. Я судорожно вздыхаю, понимая, что бежать некуда. Между мной и Волком – только Брежин. Хлипкая дверь вообще никак не спасёт, если этот придурок решит «проведать» меня во что бы то ни стало.

Что делать? И не спрячешься ведь...

Выйти наружу?

А если они точно подерутся из-за меня? Учитывая характер Вани, он обязательно вступится за девушку...

Чёрт! И почему я сразу не свалила? Дура!

Кусая губы, я стою посреди уборной, решаясь. Но в итоге эти двое тестостероновых самцов решают всё за меня.

В туалет, выбив спиной дверь, влетает Брежин. И, проехав белой рубашкой по кафелю, приземляется прямиком у носков моих туфель. Не успев испугаться за Ваню, я поднимаю глаза и вижу, как в дверной проём, оскалившись, медленно всплывает чёрное пятно.

В груди всё холодеет.

– Думала, этот сторожевой пёс сможет защитить тебя? Глу-упая, наи-ивная Мы-ышка! – тянет ехидно. – Разве я уже не говорил? *Никто* не спасёт тебя *от меня*.

Брежин стирает большим пальцем кровь с нижней губы и неспешно поднимается. Выставив руку в сторону, загоражи-

вает меня собой.

– А ты не умеешь проигрывать, да, Волков? – со смешком вдруг заявляет Ваня.

И почему-то мне кажется, что он сейчас не о драке...

Металлический взгляд Макса, резанувший по моему защитнику, только подтверждает опасения.

Секунда и я уже не понимаю кто друг, а кто враг.

Вдруг Ваня говорил о споре? Ведь никто из этих двоих даже не догадывается, что я в курсе...

– Ну, так что? – Спрашивает Волк.

У меня.

Опёршись спиной о дверной косяк, он небрежно суёт руки в карманы чёрных джинсов, показавшихся мне брюками в сумраке ВИП-ки. Сверлит потемневшим взглядом нефритовых глаз.

П-ф-ф! Ну, да... Разве этот придурок надел бы брюки? Придумала...

Не дождавшись ответа, Макс угрожающе понижает голос:

– Будем бить морду герою или ты вежливо попросишь своего хорошего мальчика оставить нас наедине? Выбирай, Мышка.

Глава 14

Яна

– И кого ты сторожевым псом назвал, ушлёпок? Давно пороже не получал? – цедит Ваня, поигрывая плечами.

– По-хорошему не хотим, значит, да?

Волк демонстративно цокает, отлепляясь от дверного косяка, и с надменной ухмылкой смотрит на разминающегося Брежина. Он полностью расслаблен и даже в какой-то степени высокомерен. Один его смеющийся взгляд чего стоит.

– Время вышло, Мышка.

Наклонившись вбок, Макс высматривает меня, прячущуюся за спиной «героя». И, когда наши глаза встречаются, я понимаю: этот гад так просто не уйдёт. Он получит своё, так или иначе.

Но это не главное.

Моё холодное, рациональное «Я» улавливает одну простую, но неочевидную истину: будь Ваня хоть трижды спортсменом, Макс его в бараний рог скрутит. И дело даже не в Брежине. Если бы перед Ваней был кто-то другой, не Волк, он бы обязательно победил. Но вряд ли дикий хищник дерётся честно.

Волков ни капли не сомневается в собственной побе-

де. Его самоуверенность можно отследить по блуждающей усмешке на губах. По небрежной позе со скрещенными руками. И по леденящему кровь спокойствию, которое осело металлом на дне зелёных глаз.

Я обязана вмешаться, иначе Брежин пострадает.

Из-за *меня*.

Но сказать я ничего не успеваю.

Ваня, устав от того, что его игнорируют, вдруг резко подаётся вперёд и толкает Макса двумя руками в грудь. Бычит.

– Я с тобой разговариваю, волчара!

Вот только зверь даже бровью не ведёт. Лишь отступает назад по инерции, смягчая удар и гася его одновременно. Хотя Ваня – махина ещё та: под два метра ростом, с выступающей квадратной челюстью и бугрящимися мышцами по всему телу. Он выглядит, как и положено спортсмену. Футболисту, в его случае.

Но Волк устоял! А ведь толчок должен был, как минимум, сбить его с ног!

И это лишний раз доказывает то, что моя теория верна: Макс постоянно дерётся. У него есть опыт в драках. Как бы это ни звучало. Он знает, как себя вести. И, главное, – как выйти из замеса победителем.

А вот «золотой мальчик», радость мамы и гордость папы, вряд ли так часто дрался. И уж тем более не инициировал драку, я уверена. Даже сейчас Брежин намеренно провоцирует Волка только лишь потому, что пытается перекинуть

фокус внимания на себя.

Пользуясь небольшой заминкой с нашей стороны, Макс, наконец, переводит на Ваню ленивый прищур и отвечает:

– Хочешь сказать, ты – не пёсик? – Вскидывает брови. И ухмыляется ехидно. Издевательски. – Бегаешь за ботаншей, подарочки даришь. Тяфкаешь мне тут что-то, – топит его, добивая. – Осталось только хвостом научиться вилять и всё! Гав-гав!

Волков намеренно измывается над почти поверженным противником. Ржёт, но как-то мрачно. Без веселья. Словно всё происходящее – холодный расчёт. Чётко спланированный и отыгранный план.

Не проходит и секунды – Ваня кидается на Волка. Драка начинается слишком быстро. Я даже моргнуть не успеваю, как эти двое матершинников, сцепившись, принимаются кататься по полу. Опасаясь попасть под раздачу, отскакиваю к дальней стене, и, прижав ладонь ко рту, с ужасом взираю на происходящее.

Драки в своей жизни я наблюдала нечасто. Точнее, практически никогда. Один раз стала свидетельницей подобного дикарства в школе. И всё. На этом мой опыт кровавых расправ, к счастью, закончился.

Хотя нет. Был ещё один случай...

Но вспомнить о нём не успеваю – драка кончается так же внезапно, как и началась.

Заломив Брежину руку за спину, Волк вдавливая голову

парня в кафель, не позволяя тому даже шелохнуться. Ваня брызжет слюной и дёргается под ним, но Макс, как заправский борец, весом собственного тела задавливает любые попытки моего защитника выбраться.

Ужас достигает апогея. Царапает когтями грудь, вынуждая замереть и просто наблюдать за тем, как Волк унижает Брежина. Прямо у меня на глазах. А я даже слова вымолвить не могу от оцепенения.

Это какая же груда мышц прячется за мрачными толстовками...

Или же дело не в мышцах?

Мозг, вместо того, чтобы придумать, как разнять парней, издевательски машет мне ручкой, сваливая в глубины подсознания.

Я – нас, – говорит мне он. *– Надо было сваливать раньше.*

Меня всю передёргивает, стоит увидеть кровь на белой рубашке. Но именно алые пятна отрезвляют. Я вспоминаю, что моему организму жизненно необходим кислород и заставляю себя сделать вдох.

– Ты заплатишь! Ублюдок! – шипит Ваня искажённым голосом. – Держись от Яны подальше! Она со мной, понял? Я не позволю тебе играть её...

С каждым произнесённым словом Волк меняется в лице. Его черты заостряются, становятся животными. Яростными. Но ярость эта тихая, как ледяная выюга. Он делает одно мимолётное движение, один удар, от которого у меня кровь

стынет в жилах, и Брежин резко замолкает, так и не договорив. Только тихо постанывает от боли.

Склонившись к уху парня, Макс безжалостно цедит:

– Заткнись или я тебе все зубы выбью. По одному. Стоит она того?

Сжав светлые волосы в кулак, он задирает Брежину голову и кивает подбородком на меня, жмущуюся к стенке. Ваня неразборчиво мычит и уже не сопротивляется, а я едва дышу.

– Вижу, урок усвоил. С этого и нужно было начинать, – со снисходительной улыбкой похлопывает моего защитника по спине.

Я смотрю на эту страшную картину мужской драки, и что-то внутри меня надламывается. Оковы оцепенения, наконец, спадают, и я с разбега бросаюсь на Волка.

– Отпусти его!

Макс позволяет мне скинуть его тушу с Брежина. Не сопротивляется, когда я оттаскиваю его за рубашку к кабинетам, и даже успевает подхватить меня, чуть не свалившуюся на пол.

Чёртовы каблуки!

Чёртов клуб!

Чёртов Волк!

Ненавижу! Как же. Сильно. Я. Его. Ненавижу!

– Не стоит благодарности, – оскаливается, удерживая меня в полуобъятиях.

– Дикарь! Зверюга безмозглая! – кричу дрожащим от слёз голосом. Но Волк только ядовито ухмыляется. – Не смей ко мне прикасаться! – ужом выскальзываю из его рук и подлетаю к Брежину. – Вань? Вань? Слышишь меня? Ты как?

Мой защитник со стоном переворачивается на спину. Из его рассечённой брови течёт кровь. Но в целом всё не так ужасно, как я думала.

Правду говорят, что у страха глаза велики.

– Идти можешь? – помогаю Брежину подняться.

– Конченный, – тихо выдыхает Ваня, садясь. – Ты, мать его, конченный ублюдок!

– Вали, пока я добрый, – небрежно бросает ему Волк.

Брежин раздражённо отмахивается от моей помощи и, кряхтя, поднимается на ноги.

Растерянная, я отступаю в сторону.

– Не думай, что мы закончили, – хрипит парень, с ненавистью взирая на Макса.

– Да-да, вали уже, – закатывает глаза. И косится на меня. – А ведь всё могло быть иначе, Мышка. Прикажи ты своему пёсику свалить по-хорошему, мы бы мирно поболтали и разбежались по норам. Вот что бывает, когда не умеешь обращаться с поводком...

От того, чтобы снова броситься на Волкова, Ваню удерживает стайка девчонок, решивших так не вовремя зайти в уборную. Они улыбаются, громко обсуждая популярного вокалиста группы «Devil Inside» – Олега Громова. Но увидев,

что тут происходит, девушки принимаются визжать, после чего с ужасом сматываются подальше отсюда.

— Ну, вот, всех девчонок распугал. Сходи в соседнее помещение, приведи себя в порядок, а то эти курицы точно охрану вызовут. Ты же не хочешь испортить другу день рождения? — белозубо скалится Волк, оглядывая Брежина с ног до головы. — Он так просил не разукрашивать тебе рожу, что я не удержался. Ты уж извини, ничего личного, — разводит руками и почему-то морщится, когда его взгляд падает на ладони.

— Вань, я могу чем-то помочь? — тянусь к нему.

— Не нужно, я сам, — жёстко отрезает он. Окидывает меня долгим, внимательным взглядом сквозь заплывшие веки, а потом молча идёт к выходу.

Мне не остаётся ничего другого, кроме как потерянно стоять на месте. От помощи Брежин отказался, а что ещё сделать или сказать в этой патовой ситуации я понятия не имею.

Шурша одеждой, Волк подходит к раковинам. Включает воду и с какой-то маниакальностью принимается отмывать руки жидким мылом. К тому времени Ваня уже скрывается за дверью. А я вскидываюсь, вспомнив, что оставаться в уборной наедине с придурком опасно для ментального здоровья.

И, как оказалось, ещё и физического...

Вот только сбежать следом за Брежиным мне не позволяют. Макс опережает меня на долю секунды. Вырастает пере-

до мной, словно из-под земли, и одним быстрым движением поворачивает дверной замок, отрезая нас от остального мира.

– А теперь поговорим на моём языке, Яночка, – обхватив талию лапами, Волк впечатывает меня в своё тело.

Не дав мне опомниться, он разворачивает нас на сто восемьдесят градусов и прижимает меня к ближайшей стене. Нависнув, дарит очередную мрачную улыбку, не предвещающую ничего хорошего, и, вцепившись сильными пальцами в подол моего платья, умело задирает его до самого пупка.

Испуганный вскрик гасит волчья ладонь, закрывшая мне рот.

– Сейчас я покажу тебе, что бывает с непослушными девочками, которые не соблюдают условия договора, – хрипло басит Макс, поддевая резинку моего кружевного белья. – Трусики за трусики, Мышка.

Глава 15

Макс

То, что устроил этот пёс – цирк и клоунада. Слишком много спеси, ещё и за языком не следит. Чуть не проговорился, что парни в АМО спорят на девственниц. Да узнай об этом хоть одна девчонка, слухи бы уже по всей академии разлетелись, и дядька быстро бы прикрыл эту лавочку. Но наши ставки: игры на чужую девственность, нелегальные гонки, подпольные бои и прочее, – секретная инфа, которую нельзя разглашать. За это карают свои же, без суда и следствия, потому что деньги там крутятся немалые.

Такие, как я, – сыновья богатых предков, – как бы странно это ни звучало, хотят быть независимыми. А как этого добиться в максимально кратчайшие сроки?

Верно. Проворачивать что-то незаконное. То, что порицается обществом.

И хорошие мальчики, как Ванечка, например, быстрее всех сдают позиции. Сначала играют в рыцарей, защитников сырых и убогих, а потом первыми падают в аморальную пропасть. Стоит почуять запах лёгкой добычи и деньги сразу же перестают пахнуть. Вся их показушная человечность испаряется, оставляя только азарт и жажду лёгкой наживы.

Я называю это извращённым видом лудомании. Но вы-

браться из этой пропасти пока не могу. Деньги мне жизненно необходимы. Причём много и в самый кратчайший срок. Иначе я так и останусь марионеткой своего папаша.

А он с каждым днём всё сильнее сжимает удавку...

Не за горами тот день, когда мне *придётся* обучаться под его руководством. И долго я не протяну, учитывая методы больного убудка. К тому времени я *просто обязан* свалить отсюда. Как можно дальше. Хоть на необитаемый остров!

И сделаю всё для этого. Буквально всё!

Но для начала проучу заучку.

А потом доходчиво объясню Ванечке, что бывает с теми, кто не умеет держать язык за зубами и выносит опасную инфу из закрытых чатов на общак.

Как он вообще туда попал – вопрос второстепенной важности. Поэтому буду решать проблемы по мере их поступления. Прямо сейчас мне нужно что-то сделать с дурманящим запахом волос долбанной ботанши. Которая, походу, готова дать всем, кроме меня.

Зато недотрогу из себя строила...

Сучка продажная!

Видать, я просто ей не по масти. Рожей не вышел или не излучаю пафос и лоск, как хренов рыцарь.

– Я думал, мы договорились: я удаляю видос, а ты делаешь вид, что мы друзья. Ну, или типа того, – хриплю ей на ухо не своим голосом, проводя пальцами по выступающим костяшкам под резинкой кружевных трусиков.

Белобрысая вздрагивает и судорожно выдыхает. Поднимает на меня взгляд, полный ужаса, который срывает не хуже подсечки.

Это прикол? Она реально думает, что я её насиловать собрался?

– Я буду кричать, – голос Мышки дрожит. Серые глазищи наполняются слезами.

М-да... Это не рофл. Она *действительно* так считает.

– Да кому ты сдалась? Расслабься, не трону я тебя, – фыркаю как можно пренебрежительнее. И одним рывком лишаю её трусиков. – Мне нужно только твоё бельё.

Приходится собрать всю силу воли в кулак, чтобы смотреть Мишиной *в глаза*. Но в выдержке девчонка меня переиграла – даже не вскрикнула, в то время как мне дико хотелось посмотреть вниз и...

Подняв руку, трясущую кружевным перед лицом испуганной ботанши, демонстрируя трофей. Вот только удовлетворения от того, что наказал Мышку, не испытываю. И со мной такое впервые.

Обычно меня не заботят чувства других...

Кинув полный сожаления взгляд на своё бельё, девчонка разрывает наш зрительный контакт и поправляет сверкающее платье, натягивая его чуть ли не до пяток. И, зажмурившись, трясёт головой. Так, будто пытается прийти в себя после гипноза.

– Ты что, какой-то фетишист? Извращенец? Или просто

садист? – прижимая руку к груди, плянется с таким ужасом и отвращением, что даже меня пробирает.

– Всего понемногу, – язвлю в ответ, ощериваясь.

Но Мишина принимает всё за чистую монету. Всхлипывает и запускает когти в мои предплечья, решив драться за свою честь до последней капли крови.

Да твою ж...

Желание проучить заразу вдруг окончательно сдувается, словно воздушный шарик. И чтобы дурная хоть немного успокоилась, отдираю её клешни от себя и делаю шаг назад.

Подальше от напуганной девчонки и поближе к двери.

Нельзя, чтобы Мышка сбежала. Сначала я должен узнать ответы на свои вопросы.

Запоздало допираю, что такое простое действие – выпустить ботаншу из плена – далось мне с трудом.

С большим. Трудом.

А когда осознаю весь треш происходящего, то выпадаю из реальности на несколько секунд, споря с самой собой.

Я что, настолько страшный и пугающий? Или мерзкий?

Вроде до белобрысой никто не жаловался. Наоборот, девчонки текли, как сучки, когда начиналась эта игра в «обними-отстань» и «я не такая, так что возьми меня типа силой».

Внутренности внезапно обжигает злость. Причём на самого себя.

Ля! Как это вообще работает? Почему я злюсь *на себя*, а не на неё?

Попал под её женские чары? Или то, что теперь я хочу трахнуть ботаншу не просто из интереса, а чисто из принципа, плавит мне мозг не в лучшую сторону?

– Не смотри на меня так, – бурчу, скрещивая руки на груди.

Но Мышка всё равно глазеет исподлобья. Как котёнок, который вот-вот бросится на льва, считая, что тот хочет его сожрать. Хотя на самом деле лев просто забавляется. Играет.

И смешно и грустно.

Писос. Походу, стрессоустойчивость у девчонки колеблется между отметкой ноль и минус один.

– Хорошо, давай так: я забуду о твоём непослушании и о том, что ты нарушила условия нашей сделки в обмен на парочку честных ответов.

– Я больше не собираюсь идти у тебя на поводу! Ты – ма-няк и агрессор! Избил ни в чём неповинного человека! – шипит Мишина, сжимая маленькие ладошки в такие же миниатюрные кулачки. – И верни мне трусы! Сейчас же!

Я смотрю на эту злобную фурию, и будто впервые вижу. Её. Настоящую.

Белые локоны растрепались. Лямка впечатляющего платья сползла, оголяя холмик груди слева и татуировку сакуры под ключицей. На лице выражение, достойное какой-нибудь валькирии, а не забитой ботанши с вечными учебниками в руках. В глазах – убийственный огонь, который точно спалил бы меня на месте и даже пепла не оставил, будь она ведьмой.

Что-то в груди странно сжимается и впивается колючками, как если бы я решил обнять кактус.

И в этом виновата заучка!

Заучка, мать вашу!

– Отдай. Мои. Трусы. Придурок! – чуть ли не рычит, собираясь броситься на меня и отвоевать их силой.

Против воли вздыхаю. Страдальчески.

Как же с ней сложно...

С другой стороны, девчонка *уже* херового мнения обо мне, так что терять нечего...

Издавательски медленно сую кружевные трусики в передний карман джинсов, пристально глядя Мышке в глаза. И ухмыляюсь, точно зная, что её это выбесит.

– Обещание не сдержала – трусы потеряла, – развожу руками и едва удерживаюсь от того, чтобы не хрюкнуть от смеха, потому что лицо заучки смешно перекашивается. – Не видать их тебе, как своих ушей, – добавляю, чтобы закрепить клоунский эффект.

Или, если быть точным, джокеровский...

Даже я осознаю, что выгляжу сейчас как псих.

– Это Оливия Сикрет*! Я копила на него почти год! Год, Волков!

Безразлично пожимаю плечами.

– Да хоть десять. Думать надо было, прежде чем разбрасываться словами. Терпеть не могу людей, которые не отвечают за свой базар.

– Базар? – Выпучивается на меня, как сова. И яростно шипит: – Я прибую тебя! Прибую, слышишь?! Ты мне за всё ответишь, Волков!

– Боюсь, придётся встать в очередь.

– Придушу! – Мишина угрожает, но её голос трясётся от едва сдерживаемых слёз.

– Да ты себя в зеркало видела? Метр с кепкой в прыжке! Руки не дотянутся, – неестественно ржу, пытаюсь хоть немного разрядить обстановку. – А если и допрыгнешь, то силёнок не хватит.

– Какой метр? Какая кепка? – визжит девчонка, чуть ли ногами не топая. Бессильно сжимает и разжимает кулачки. – Я сто шестьдесят пять сантиметров!

– А я – метр девяносто шесть. Да и весовые категории у нас разные. Так что хорошенько подумай, прежде чем кинешься исполнять угрозы.

Ситуация сюрр, нахер! Кто бы мог подумать, что тихоня Яна Мишина такая сексуальная в гнев и... забавная.

Ловлю себя на том, что лыблюсь, как придурик, которым она меня обозвала. И тут же осекаюсь, моментально приходя в себя.

– Короче, хватит пустой болтовни. Ответишь на вопросы и свободна. – От резкой перемены настроения, блондинка теряется, глупо хлопая ресницами. Чем я и пользуюсь. – Внимание вопрос: где ты была примерно год назад?

Мышка окончательно впадает в ступор, потеряв нить раз-

говора. Хмурится, открывая и закрывая рот, как рыба на берегу. Но недаром белобрысая заслужила свой титул заучки. Она быстро соображает, как выкроить максимальную для себя выгоду из сложившейся ситуации.

– Отдашь трусы, и я попытаюсь вспомнить, – разжимает кулачки и протягивает мне руку раскрытой ладонью вверх. Трясёт ею нетерпеливо.

– Ты не в том положении, чтобы торговаться, – морщусь. – Несколько минут назад ты почти рыдала от страха и думала, что я тебя изнасилую, а теперь условия мне ставишь? – хмыкаю я.

– Я не выйду отсюда без своих трусов!

– Слушай, – угрожающе понижаю голос. – Не беси. И не обманывайся на мой счёт. Я ведь могу перестать играть в добрячка.

– Если бы ты хотел мне навредить, уже бы это сделал, – выплёвывает Мышка.

Сука! Терпеть не могу умных баб! От них одни проблемы...

– Доиграешься... – начинаю злиться по-настоящему.

Видимо, что-то отражается в моём взгляде, потому что зараза принимается кусать губы, и отводит глаза.

– Не знаю, зачем тебе эта информация, но в первой половине сентября я была в лагере. – Заметив непонимание, отразившееся на моём лице, поясняет: – Ну, лагерь. Загородный. Там где дети отдыхают. Вожатой подрабатывала.

Я напрягаюсь, чувствуя, что прямо сейчас узнаю ответ на вопрос, не дающий мне покоя с той самой ночи, когда я увидел чёртову татуировку. Даже на сушняк пробивает от внезапного волнения.

– И где находится этот детский лагерь? Территориально.
– Подгоняю её, так и не дождавшись продолжения.

– В пятидесяти километрах от АМО. Там ещё лесополоса недалеко. Забыла название... – Она морщится и трёт лоб, пытаюсь вспомнить.

Но мне и не нужно слышать название посёлка, потому что я прекрасно запомнил место, в котором чуть не подох...

**Оливия Сикрет – бренд нижнего белья, в шутку придуманный автором по аналогу всемирноизвестного.*

Глава 16

Яна

Наш странный диалог прерывается нетерпеливым стуком чужого кулака по ту сторону двери.

– Это охрана! Открывайте, если не хотите проблем, – бьют нам предупреждающе.

Я вздрагиваю от сурового тона охранника и, наконец, прихожу в себя. Осознание происходящего приносит с собой волну стыда, которая безжалостно накрывает меня с головой.

Я в элитном клубе. Заперта в туалете с парнем. Тет-а-тет. На мне нет белья. Я вся растрёпанная. И вряд ли кто-то подумает, что мой взъерошенный внешний вид – следствие борьбы за свою честь...

Скорее, наоборот.

– Я вызову тебе такси, – глухо бросает Волк.

После моих слов о том, где я была прошлой осенью, он стал какой-то... пришибленный, что ли? И отстранённый. А на лбу появилась табличка «ушёл в себя, вернусь не скоро».

– Та... Такси? – переспрашиваю я, абсолютно не понимая человека, стоящего передо мной.

Что же на самом деле творится в его больной голове?

Сначала он, пытаясь выиграть спор, караулит меня в женском кампусе. Затем шантажирует. Потом пытается помочь: удаляет видео в обмен на сделку. Затем снова устраивает охоту на меня. Устраняет Ваню. После чего запирается со мной в туалете, но не с целью совратить и получить своё. Он...

Он тупо крадёт мои трусы!

Вот для чего они ему? Чтобы наказать? Просто наказать в качестве назидания за несоблюдение условий нашего уговора?

Серьёзно?!

Поверить не могу...

Ещё и эти вопросы не в тему!

Причём тут то, чем я занималась в прошлом году? Зачем Волку эта информация?

И как, чёрт возьми, это всё взаимосвязано?

Кажется, я окончательно запуталась...

– Чего встала, как вкопанная? Мишина, голову свою включай уже, вроде бы ненатуральная блондинка! – Режет, словно лезвием, вырывая меня из личного мозгового штурма. – Тебе валить нужно отсюда, поэтому соберись, если не хочешь проблем! И чтобы больше я тебя на таких вечеринках не видел. Поняла? Дурью маешься... – добавляет в конце. Колко и тихо.

Тем временем по двери начинают колотить всё сильнее.

– Я считаю до трёх, не выходите – выбиваю дверь. Раз...

За какие-то считанные доли секунд Волков оказывается рядом со мной. Хватает меня под локоть и тащит к выходу, шипя на ходу:

– Охранника возьму на себя, а ты смойся под шумок.

И, как обычно это бывает, в самый неподходящий момент я начинаю жутко тупить.

– Ч-чего?

Чувствую себя тугодумкой... Хотя, скорее всего, дело в стрессе, который я испытала благодаря этому прикурку!

– Чего-чего, – передразнивает меня, разозлившись. – Притвориться душой – идея огонь, но не переигрывай. И, главное, свали отсюда, как можно быстрее. Такси я тебе сейчас вызову, – достаёт телефон из кармана и быстрым тапаньем по экрану заказывает мне машину, продолжая тараторить. – Подъедет к турникетам. На вечеринку Кира не возвращайся. И своего рыцаря тоже не ищи, поняла меня? – рывкает тихо.

Я поднимаю взгляд на Макса и, в который раз за сегодняшний вечер, теряюсь. В нефритовых глазах плещется что-то такое, что заставляет меня покорно кивнуть. Стоит мне это сделать, а охраннику досчитать до трёх, как Волк резко распахивает дверь.

Всё, что случается дальше, происходит в один момент.

Мужчина в форме, решивший выбить дверь, по инерции пролетает мимо нас. Макс, словно неоднократно проворачивал подобное, ловко выпихивает меня в тёмный коридор, прикрыв своей спиной. Я влетаю в толпу девчонок, неисто-

во желающих попасть в туалет, и сливаюсь с ними. Завершая сей ужасный спектакль, Волк пинает дверь ногой, окончательно отрезая меня от разъярённого охранника.

Как во сне я протискиваюсь сквозь толпу девушек. Чудом нахожу танцпол в перипетии сумрачных коридоров. Щурюсь от стробоскопа, больно бьющего по глазам. С большим трудом пробираюсь к выходу из клуба. И, хотя за мной никто не гнался, только миновав турникеты, позволяю себе перевести дух.

Волков не обманул: единственное такси в округе стояло у главного входа в элитный клуб и ждало свою пассажирку. А так как он не сказал мне ни номер машины, ни скинул хотя бы скриншот (хотя это было бы удивительно, ведь Макс не знает мой номер), пришлось спрашивать у водителя напрямую.

Когда мы оба убеждаемся, что такси вызвал Максим В., я со спокойной душой сажусь в машину на заднее сиденье и, назвав адрес кампуса, устало прикрываю веки.

Чёрт... Как же это всё отвратительно! Мерзко! Хочется поскорее в душ, чтобы смыть с себя всю грязь сегодняшнего вечера.

Ещё и со мной творится что-то странное. Я ведь не просто послушала Волка...

Я ему поверила! Доверилась!

Так в какой же момент своей жизни я свернула не туда?

Несмотря на то, что на дне рождения Кирилла я не пила, утро наступает слишком неожиданно. И неприятно. Голова раскалывается так, словно у меня температура под сорок. Перед глазами всё плывёт, и я со стоном падаю обратно на подушку, вырубив противный будильник.

Вот только вырубаю я его неправильно. Вместе с повторами. Так что первые две пары я благополучно просыпаю. А когда вскакиваю с постели в обед, рассчитывая на то, что успею хотя бы ко второй половине лекции, стоящей третьей парой, чувствую, как дерёт горло.

Блин-блин-блин! Только простуды мне и не хватало. Всегда тяжело переносу даже самую лёгкую!

Увижу Альву, выскажу всё, что думаю о зёрнах, которые она сажает в головы хороших девочек!

Но на этом моя чёрная полоса не заканчивается. На полпути к лекционному залу у меня начинает дико «стрелять» в ногу, которую я подвернула, поэтому приходится замедлиться. Как итог: я не успеваю зайти на перерыве, и третья пара тоже улетает в отработку.

– Я пыталась тебя прикрыть, но не получилось. Профессор решил поднимать группы. Сканировал каждого пофамильно, – морщится Нина, которую я поймала после звонка, знаменующего конец лекции. – Тетрадка нужна? – смотрит на меня с сочувствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.